

Совет Безопасности

Семьдесят шестой год

Предварительный отчет

8785-е заседание

Четверг, 3 июня 2021 года, 10 ч 25 мин

Нью-Йорк

<i>Председатель:</i>	г-н Юргенсон/г-н Ауварт	(Эстония)
<i>Члены:</i>	Китай	г-н Гэн Шуан
	Франция	г-н де Ривьер
	Индия	г-н Тирумурти
	Ирландия	г-жа Бирн Нейсон
	Кения	г-н Кибойно
	Мексика	г-н де ла Фуэнте Рамирес
	Нигер	г-н Аужи
	Норвегия	г-жа Хеймербакк
	Российская Федерация	г-н Небензя
	Сент-Винсент и Гренадины	г-жа Принс
	Тунис	г-н Ладеб
	Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии	дама Барбара Вудворд
	Соединенные Штаты Америки	г-н Миллс
	Вьетнам	г-н Фам

Повестка дня

Положение на Ближнем Востоке

Письмо Генерального секретаря от 27 мая 2021 года на имя Председателя
Совета Безопасности (S/2021/514)

* Перевыпущено по техническим причинам 10 июня 2021 года

В настоящем отчете содержатся тексты выступлений на русском языке и тексты письменных переводов выступлений на других языках. Окончательный текст будет включен в *Официальные отчеты Совета Безопасности*. Поправки должны представляться только к текстам выступлений на языке подлинника. Они должны включаться в один из экземпляров отчета и направляться за подписью одного из членов соответствующей делегации на имя начальника Службы стенографических отчетов (Chief, Verbatim Reporting Service, room U-0506). Отчеты с внесенными в них поправками будут переизданы в электронной форме и размещены в Системе официальной документации Организации Объединенных Наций (<http://documents.un.org>).

21-13807 (R)

Документ
расширенного доступаПросьба отправить
на вторичную переработку

Заседание открывается в 10 ч 25 мин.

Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

Положение на Ближнем Востоке

Письмо Генерального секретаря от 27 мая 2021 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/2021/514)

Председатель (*говорит по-английски*): На основании правила 37 временных правил процедуры Совета я приглашаю принять участие в этом заседании представителей Исламской Республики Иран, Сирийской Арабской Республики и Турции.

На основании правила 39 временных правил процедуры Совета я приглашаю принять участие в данном заседании следующих докладчиков: Высокого представителя по вопросам разоружения г- жу Идзуми Накамицу и Генерального директора Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) г-на Фернандо Ариаса.

Генеральный директор Ариас принимает участие в заседании в режиме видеоконференции из Гааги.

Совет Безопасности приступает к рассмотрению пункта своей повестки дня.

Я хотел бы обратить внимание членов Совета на документ S/2021/514, в котором содержится текст письма Генерального секретаря от 27 мая 2021 года на имя Председателя Совета Безопасности.

Я предоставляю слово г-же Накамицу.

Г-жа Накамицу (*говорит по-английски*): Благодарю Вас, г-н Председатель, за предоставленную возможность вновь выступить в Совете Безопасности с кратким сообщением о ходе осуществления резолюции 2118 (2013) по вопросу о ликвидации программы Сирийской Арабской Республики по химическому оружию. Весьма отраднo иметь возможность снова выступать перед членами Совета в зале Совета Безопасности.

Мне очень приятно, что в сегодняшнем заседании в дистанционном формате принимает участие Генеральный директор Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) г-н Фернандо Ариас, который представит Совету обновленную

информацию о ликвидации программы Сирийской Арабской Республики по химическому оружию.

С момента предыдущего заседания Совета Безопасности по резолюции 2118 (2013), состоявшегося 6 мая 2021 года (см. S/2021/446), Управление по вопросам разоружения поддерживает регулярные контакты с коллегами в ОЗХО по вопросам деятельности в этом отношении. В соответствии со сложившейся практикой 1 июня 2021 года я провела ежемесячный телефонный разговор с Генеральным директором ОЗХО, с тем чтобы получить обновленную информацию и выяснить его мнение по данному вопросу. В свете участия Генерального директора Ариаса в сегодняшнем заседании мое выступление будет кратким.

Прежде всего, пользуясь этой возможностью, я хочу еще раз выразить признательность Генеральному директору Ариасу и сотрудникам Технического секретариата ОЗХО за профессиональную и беспристрастную работу по обеспечению соблюдения норм, запрещающих применение химического оружия, и за наше сотрудничество в стремлении к ликвидации этого бесчеловечного оружия.

Способность Технического секретариата ОЗХО проводить развертывания в Сирийской Арабской Республике по-прежнему зависит от развития пандемии коронавирусного заболевания. Однако, несмотря на ограничения на поездки, Технический секретариат продолжает осуществлять предусмотренную его мандатом деятельность, связанную с ликвидацией сирийской программы по химическому оружию, и взаимодействовать в этом отношении с Сирийской Арабской Республикой.

Приветствую усилия, направленные на прояснение остающихся нерешенными вопросов, касающихся первоначального объявления, представленного ОЗХО Сирийской Арабской Республикой. Решающее значение для прояснения этих остающихся вопросов имеют взаимодействие и диалог Сирийской Арабской Республики с Техническим секретариатом ОЗХО. Как неоднократно подчеркивалось, ввиду выявленных, но пока не проясненных пробелов, несоответствий и расхождений Технический секретариат ОЗХО по-прежнему считает, что представленное Сирийской Арабской Республикой объявление на данном этапе нельзя считать достоверным и полным в соответствии с Конвенцией по химическому оружию. Я не сомневаюсь, что Гене-

ральный директор Ариас представит членам Совета Безопасности обновленную информацию об усилиях, которые прилагаются для своевременного урегулирования этих нерешенных вопросов.

Мне сообщили, что в прошлом месяце Технический секретариат ОЗХО планировал направить Группу по оценке декларации (ГОО) в Сирию и, не получив от Сирийской Арабской Республики подтверждения того, что имеющегося времени будет достаточно для завершения необходимых приготовлений, отложил проведение следующего раунда консультаций с сирийским Национальным органом. Я рассчитываю на то, что Генеральный директор Ариас представит обновленную информацию по данному вопросу.

Отмечаю, что Миссия ОЗХО по установлению фактов (МУФ) еще изучает всю имеющуюся информацию, касающуюся утверждений о применении химического оружия в Сирийской Арабской Республике, и продолжает взаимодействовать с сирийским правительством и другими государствами — участниками Конвенции по химическому оружию в отношении «ряда инцидентов».

Как уже сообщалось ранее, проведение дальнейших развертываний МУФ будет зависеть от развития ситуации с пандемией коронавирусной инфекции.

Кроме того, насколько мне известно, после опубликования своего второго отчета в апреле Группа по расследованию и идентификации продолжает расследование инцидентов в Сирийской Арабской Республике, в которых, по мнению МУФ, было или могло быть использовано химическое оружие, и выпустит дальнейшие доклады в надлежащий срок.

Как я ранее информировала Совет, 21 апреля 2021 года Конференция государств-участников Конвенции по химическому оружию на своей двадцать пятой сессии приняла решение С-25/Дес.9, озаглавленное «Меры в отношении владения химическим оружием и его применения Сирийской Арабской Республикой», приостановив действие прав и привилегий Сирийской Арабской Республики в соответствии с Конвенцией. Копия этого решения, содержащаяся в документе A/75/871-S/2021/425, была передана членам Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи в соответствии с пунктом 12 вышеупомянутого решения Конференции госу-

дарств-участников. Я с нетерпением ожидаю от Генерального директора Ариаса обновленной информации о последующих шагах по выполнению этого решения.

Настоятельно необходимо не только установить личность всех тех, кто в нарушение международного права применил химическое оружие, но и привлечь их к ответственности. Это наше общее обязательство. Не предпринимая соответствующих действий, мы позволяем нарушителям безнаказанно применять химическое оружие. Для восстановления нормы, запрещающей применение химического оружия, необходимо единство в Совете Безопасности. Управление по вопросам разоружения готово оказать любую возможную поддержку и помощь в надежде на то, что применение этого ужасного оружия действительно останется в прошлом.

Председатель (говорит по-английски): Я благодарю г-жу Накамицу за ее сообщение.

Сейчас я предоставляю слово г-ну Ариасу.

Г-н Ариас (говорит по-английски): Мне весьма приятно снова видеть всех собравшихся здесь на заседании в очном формате, в безопасности и в добром здравии. Здесь, в Нидерландах, все еще продолжается процесс вакцинации, и мы надеемся в ближайшее время вновь в полном объеме возобновить работу с личным присутствием.

Я благодарю Эстонию, председательствующую в Совете Безопасности, за предоставленную мне возможность проинформировать Совет о событиях в Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО), произошедших после моего последнего выступления в Совете 11 декабря 2020 года (см. S/2020/1202), когда по приглашению председательствующей в Совете Южной Африки я участвовал во всеобъемлющем обмене мнениями с членами Совета.

Сирийский народ страдает от военных действий уже более 10 лет; Совету об этом хорошо известно. В удручающих сообщениях об этих страданиях говорится, помимо других зверств, совершенных в этой войне, и о применении химического оружия. Химическое оружие применялось в Сирийской Арабской Республике как до, так и после ее присоединения к Конвенции о запрещении химического оружия в 2013 году. Эти хорошо задокументированные случаи применения химического оружия имели место

неоднократно, несмотря на успешное уничтожение более 1300 тонн объявленных сирийских запасов и применение ОЗХО строгих мер проверки.

Одно из нападений, унесших наибольшее число жизней, произошло 4 апреля 2017 года в Хан-Шейхуне. В результате применения зарина несколько десятков человек погибло и более 500 пострадали. Сирийская Арабская Республика присоединилась к Конвенции о запрещении химического оружия в сентябре 2013 года, через месяц после того, как произошло еще одно нападение с применением зарина, на этот раз в Гуте, унесшее жизни более 1300 человек, расследование в отношении которого проводила миссия Организации Объединенных Наций.

С тех пор Технический секретариат ОЗХО предоставляет большой объем информации Конференции государств-участников и Исполнительному совету ОЗХО, а также Совету Безопасности при посредстве Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, а также путем ежемесячного представления докладов и брифингов, проводимых лично мной. Вызывает тревогу тот факт, что спустя восемь лет вопрос о сирийском химическом оружии совсем нельзя считать закрытым. Сейчас я представлю Совету обновленную информацию о событиях, связанных с вопросом о сирийском химическом оружии.

Двенадцатого апреля в соответствии со своим мандатом по установлению личности виновных в применении химического оружия в Сирии Группа по расследованию и идентификации (ГРИ) опубликовала свой второй доклад. В этом докладе ГРИ на основе всей полученной информации и ее анализа сделала заключение о наличии разумных оснований полагать, что приблизительно в 21 ч 22 мин четвертого февраля 2018 года во время продолжающихся нападений на Саракиб военный вертолет Сирийских арабских военно-воздушных сил под контролем «Сил тигра» нанес удар по восточной части Саракиба, сбросив по меньшей мере один баллон. В результате разрыва баллона произошел выброс токсичного газа, хлора, который распространился на большой территории, вследствие чего пострадали 12 человек. Этот установленный случай применения химического оружия военно-воздушными силами Сирийской Арабской Республики имел место в дополнение к трем другим случаям, информа-

ция о которых содержится в первом докладе ГРИ от апреля 2020 года и была подробно представлена Совету во время моего брифинга в Совете 12 мая 2020 года.

Поэтому позвольте мне просто напомнить следующее: в своем первом докладе ГРИ сделала вывод о наличии разумных оснований полагать, что в применении химического оружия в Эль-Латамне 24, 25 и 30 марта 2017 года были виновны лица, входившие в состав военно-воздушных сил Сирийской Арабской Республики, которые использовали в двух случаях зарин и еще в одном случае — хлор. После публикации этих двух докладов в 2020 и 2021 годах ГРИ продолжала расследование случаев применения химического оружия и тех случаев, когда оно, вероятно, имело место. В настоящее время расследуется пять дел. ГРИ представит по ним доклады в надлежащее время.

Двадцать первого апреля 2021 года Конференция государств-участников ОЗХО постановила выразить серьезную обеспокоенность в связи с доказанными случаями применения химического оружия в Сирии, которые являются нарушением Конвенции. Конференция также постановила лишить Сирию следующих прав и привилегий: права голоса на Конференции и в Совете, права баллотироваться на выборах в Совете и права занимать какую-либо должность в составе Конференции, Совета или каких-либо вспомогательных органов.

Согласно этому решению, Генеральный директор должен регулярно докладывать Исполнительному совету ОЗХО о том, завершила ли Сирия осуществление мер, не выполненных ею до сих пор. Речь идет о следующих мерах: во-первых, Сирия должна декларировать Техническому секретариату местонахождение объектов, на которых разрабатывалось, производилось, накапливалось и перед доставкой в готовом состоянии хранилось химическое оружие, использованное в марте 2017 года в ходе трех нападений в Эль-Латамне; во-вторых, Сирия должна декларировать Техническому секретариату все химическое оружие, которым она владеет в настоящее время, а также объекты по производству химического оружия и другие соответствующие объекты; в-третьих, Сирия должна урегулировать все нерешенные вопросы, касающиеся первоначального объявления ею своих запасов и программы химического оружия. Как только я со-

общи о завершении выполнения всех этих мер, права Сирии по Конвенции по химическому оружию будут восстановлены.

На протяжении многих лет директивные органы как ОЗХО, так и Совета Безопасности призывают положить конец безнаказанности тех, кто несет ответственность за применение химического оружия, и привлечь их к судебной ответственности. Этот решительный призыв содержится в резолюциях 2118 (2013), 2209 (2015) и 2235 (2015). Генеральный секретарь в ряде своих заявлений также поддержал этот призыв, подчеркнув, что привлечение виновных к ответственности имеет решающее значение для сдерживания применения химического оружия.

ОЗХО, включая входящую в состав Технического секретариата Группу по расследованию и идентификации, как и созданный Советом Безопасности в 2015 году и прекративший свою деятельность в 2017 году Совместный механизм по расследованию ОЗХО — Организации Объединенных Наций, никогда не брали на себя функции суда или трибунала. Однако в силу характера своей деятельности ОЗХО предоставляет международному сообществу материалы, оказывающие помощь в работе механизмов привлечения к ответственности. В соответствии с решением Конференции государств — участников Конвенции по химическому оружию Технический секретариат продолжает передавать информацию созданному в 2016 году Международному беспристрастному и независимому механизму для содействия проведению расследований в отношении лиц, которые несут ответственность за наиболее серьезные преступления по международному праву, совершенные в Сирийской Арабской Республике с марта 2011 года, и их судебному преследованию.

Следует напомнить, что все обязательства, прописанные в Конвенции, и решения директивных органов ОЗХО по сирийскому химическому досье остаются обязательными для исполнения всеми государствами-участниками и Техническим секретариатом. Поэтому мы продолжаем вести работу по многим направлениям, в том числе взаимодействовать с Сирией. Миссия по установлению фактов в Сирийской Арабской Республике продолжает работать над выяснением обстоятельств предполагаемого применения химического оружия в Сирии. На сегодняшний день Миссией по итогам проверки 77 заявлений о применении химического оружия уста-

новлено 17 случаев вероятного или подтвержденного применения химического оружия в Сирии.

Подготовленный Миссией по установлению фактов доклад по инциденту в Думе 7 апреля 2018 года по-прежнему вызывает интерес у некоторых государств-членов, в том числе у части членов Совета Безопасности. Позвольте мне напомнить о фактических обстоятельствах дела.

Доклад Миссии по установлению фактов был опубликован 1 марта 2019 года. В докладе Миссии был сделан вывод о наличии разумных оснований полагать, что в качестве оружия, по всей вероятности, использовался хлор. После опубликования доклада два бывших инспектора Технического секретариата заявили о своем несогласии с тем, что выводы миссии по установлению фактов расходятся с их личным мнением, не подкрепленным доказательствами. Когда их позиция не нашла отклика в Техническом секретариате, они попытались публично обвинить ОЗХО в предвзятости и необъективности, заявив, что доклад был каким-то образом сфальсифицирован. Тем самым они нарушили все свои основополагающие обязательства перед ОЗХО и ее государствами-членами.

Я хотел бы подчеркнуть, что один из этих двух бывших инспекторов никогда не входил в состав Миссии по установлению фактов и играл лишь вспомогательную роль в работе Миссии в течение ограниченного периода времени. Другой инспектор впервые принимал участие в расследовании, проводившемся Миссией по установлению фактов, где он играл ограниченную роль. Он не имел права работать в поле, поскольку не завершил обучение по программе подготовки инспекторов.

Более того, после того как оба этих инспектора были направлены в Думу летом 2018 года, они свернули свою работу в составе Миссии по установлению фактов и, следовательно, ни один из них не имел доступа к критически важной информации и данным анализа, которым Миссия занималась с конца августа 2018 года в течение более шести месяцев, предшествовавших выводам по результатам ее расследования и публикации ее доклада 1 марта 2019 года.

До сих пор ни одно из 193 государств — членов ОЗХО не оспорило выводы Миссии по установлению фактов о том, что на месте атаки в Думе были

обнаружены следы хлора. Следует напомнить, что мандат Миссии по установлению фактов заключается в обнаружении фактов применения токсичных химических веществ в качестве оружия, а не в установлении виновных.

С 1 марта 2019 года доклад Миссии по установлению фактов об инциденте в Думе находится в ведении Исполнительного совета и Конференции государств-участников и будет дополнительно рассмотрен в Группе по расследованию и идентификации.

Кроме того, Группа по оценке объявлений (ГОО) продолжает работать над устранением пробелов в первоначальной сирийской декларации. Недавно на повестку дня был вынесен новый вопрос, который будет рассмотрен в ходе двадцать пятого раунда консультаций, к проведению которого мы сейчас готовимся. Речь идет об обнаружении чистого боевого отравляющего вещества в сентябре 2020 года в пробах, отобранных из больших емкостей для хранения.

Тридцатого апреля я направил письмо в сирийский Национальный орган, в котором объявил о том, что следующий раунд консультаций пройдет с 18 мая по 1 июня. Пятого мая Технический секретариат обратился к сирийским властям с просьбой о выдаче виз для членов Группы, что является необходимой и обычной процедурой. В отсутствие ответа 14 мая Технический секретариат проинформировал сирийские власти о переносе сроков проведения миссии ГОО на 28 мая. Двадцать шестого мая, так и не получив ответа от сирийских властей на запрос о выдаче виз, я решил отложить проведение миссии впредь до дальнейшего уведомления. Технический секретариат продолжит поиск возможностей для развертывания ГОО, чтобы помочь Сирийской Арабской Республике в выполнении всех ее обязательств.

Продолжается проведение два раза в год инспекций сирийского Центра научных изысканий и исследований. Технический секретариат также продолжает подготовку к проведению инспекций сирийских авиабаз, которые согласно докладам СМР и ГРИ использовались в ходе применения химического оружия. Эти инспекции будут проведены, как только это позволят сделать обстановка в плане безопасности и ситуация с пандемией коронавирусного заболевания (COVID-19).

Здесь я хотел бы подчеркнуть, что Технический секретариат ОЗХО продолжает выполнять все разнообразные мандаты, касающиеся Сирии, в чрезвычайно сложных условиях, а именно сталкиваясь с многочисленными и изощренными кибератаками, широким распространением дезинформации о нашей работе, а иногда даже очернением некоторых сотрудников организации, и, наконец, на протяжении последнего года, проблемами, вызванными обусловленными пандемией COVID-19 ограничениями.

Меня постоянно воодушевляют решимость и мужество, проявляемые нашими сотрудниками в столь сложных обстоятельствах, в частности, в ходе выездных миссий, которые нам удавалось проводить несмотря на все препятствия и опасности.

Наряду с сирийским химическим досье есть еще несколько важных вопросов, касающихся химического оружия, которые тоже требуют нашего внимания. Как я уже сообщал членам Совета ранее, в последние семь лет химическое оружие применялось еще в нескольких странах. Во многих из этих случаев применялись очень сложные химические агенты, и к этим вопросам необходимо подходить со знанием дела и компетентно. Технический секретариат ОЗХО оказывает заинтересованным государствам — участникам Конвенции соответствующую помощь по их просьбе. Ответственность за принятие дальнейших мер лежит на международном сообществе в целом, а также на ОЗХО и, кроме того, на всей Организации Объединенных Наций.

Мы должны учитывать также тот факт, что несмотря на почти универсальный охват ОЗХО существуют еще четыре государства — члена Организации Объединенных Наций, которые либо не ратифицировали Конвенцию о химическом оружии, либо не присоединились к ней. Если какое-либо из этих государств присоединится к Конвенции в качестве государства, обладающего химическим оружием, то будет начата очередная операция по ликвидации запасов химического оружия под контролем ОЗХО.

Все эти вопросы наряду с изменениями в глобальной обстановке в плане безопасности и научно-техническим прогрессом требуют от Технического секретариата полной готовности в плане знаний, навыков и потенциала. Мы должны идти в ногу с научно-техническим прогрессом. Уникальные зна-

ния о химическом оружии, которыми мы обладаем в настоящее время, необходимо сохранять и оберегать. Наши сотрудники должны иметь возможность и дальше развивать свои навыки и опыт, чтобы быть способными оказывать государствам-участникам помощь в противодействии химическим угрозам любого рода.

Технический секретариат будет и впредь активно поощрять культуру химической безопасности во всех государствах-участниках, чтобы оказывать противодействие угрозе химического терроризма. С этой целью и несмотря на то, что на бюджет нашей организации распространяется принцип нулевого номинального роста, мы продолжаем добиваться прогресса на всех этих важнейших направлениях нашей работы. Примером тому служит новый Химико-технологический центр ОЗХО — Центр «ChemTech», который строится в Нидерландах и который станет одним из ключевых инструментов в нашем распоряжении. Окончательный дизайн его здания можно видеть на этом изображении.

Благодаря Центру «ChemTech» мы обретаем способность эффективнее противостоять возникающим угрозам химического оружия и содействовать использованию химических технологий исключительно на благо человечества. Центр будет служить хранилищем знаний и навыков в области химического разоружения, нераспространения, химической безопасности и защиты от химического оружия, а также мирного использования химических технологий. Он будет также способствовать обмену опытом и навыками, необходимыми для того, чтобы оставаться на переднем крае научно-технического и технологического прогресса, равно как и приобретению таких знаний и навыков. Он станет глобальным форумом для проведения исследований и для аналитических разработок в области химических технологий, позволяя государствам-членам возможность создавать сети экспертов, исследователей и лабораторий благодаря широкому многообразию предлагаемой деятельности.

Строительство этого Химико-технологического центра начнется в текущем месяце и, согласно нынешним расчетам, будет завершено в конце 2022 года.

В ближайшие два года организация готовится достичь еще двух важных вех: первая из них — это двадцать пятая годовщина организации, которая

будет отмечаться в 2022 году, а вторая — это уничтожение всех объявленных запасов химического оружия, которое, как ожидается, будет достигнуто в 2023 году.

Для того чтобы уберечь мир от повторного возникновения химического оружия необходимы приверженность и усилия всех заинтересованных сторон: правительств, разумеется; парламентов; химической промышленности; международных организаций и органов; академических кругов; научного сообщества; и, естественно, организаций гражданского общества. Неотъемлемой частью своих обязанностей я считаю установление контактов с представителями всех этих заинтересованных сторон, в том числе партнеров Организации Объединенных Наций и членов Совета Безопасности. Мы не добьемся успеха без их всеобщего участия.

Председатель (говорит по-английски): Я благодарю г-на Ариаса за его сообщение.

Сейчас я предоставляю слово тем членам Совета, которые желают выступить с заявлениями.

Г-н Небензя (Российская Федерация): Сегодня впервые с октября прошлого года (см. S/PV.8764) Совет собрался для обсуждения вопросов выполнения резолюции 2118 (2013) в очном режиме. Признательны председательствующей в Совете эстонской делегации за его организацию. Это еще один шаг в направлении давно назревшего возвращения Совета Безопасности Организации Объединенных Наций к традиционным методам работы. Благодарим г-жу Идзуми Накамицу за ее доклад.

Хотели бы также поприветствовать Генерального директора Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) г-на Фернандо Ариаса. Отрадно, что руководство ОЗХО, наконец, нашло возможность вновь принять участие в заседании Совета. На наш взгляд, стоило бы сделать такой формат общения регулярным.

Сирийское химическое досье — это специфическая тема, в которой незаменима информация из первых рук. У многих делегаций есть вопросы по поводу деятельности ОЗХО, зачастую весьма конкретные. Пока отвечать на них приходилось г-же Накамицу, и мы за это ей очень признательны. Но исчерпывающих ответов представители Секретариата Организации Объединенных Наций по объективным причинам дать не могут. Поэтому гораз-

до логичнее было бы адресовать эти вопросы напрямую Генеральному директору ОЗХО и дать ему возможность на них ответить, причем в открытом формате. Убеждены, что в интересах Совета максимальная транспарентность в этом вопросе. Надеемся, что и в интересах ОЗХО тоже. Рассчитываем, что именно такой откровенный интерактивный обмен мнениями у нас получится сегодня.

В декабре прошлого года мы задали г-ну Ариасу ряд вопросов по поводу линии, которую ОЗХО проводит в отношении сирийского химического досье. Их перечень у членов Совета есть, поэтому вдаваться в детали не буду. Но напомним об основных моментах. Во-первых, это, конечно, печально известный доклад Миссии по установлению фактов (МУФ) по инциденту в городе Дума в апреле 2018 года. Как подтверждено различными источниками, в том числе бывшими инспекторами самой ОЗХО, принимавшими непосредственное участие в расследовании этого инцидента, его итоговая версия была радикально отредактирована по сравнению с первоначальной под давлением некоторых делегаций. То есть фактически имел место подлог. Попытки этих инспекторов добиться от руководства ОЗХО расследования произошедшего ни к чему не привели. Более того, они подверглись преследованию за свои «поиски правды».

Сегодняшнее выступление г-на Ариаса заставляет меня вновь вернуться к этому вопросу. Г-н Ариас утверждает в своем выступлении, что ни одна из 193 стран — участниц Организации Объединенных Наций не подвергла сомнению выводы окончательного доклада по Думе. Во-первых, это фактологически неверно. Взять хотя бы нашу страну, и мы не единственные, кто подвергали это сомнению. Вы, г-н Генеральный директор, говорили много раз, включая сегодня, что большая часть расследования по Думе была осуществлена тогда, когда несогласные инспекторы уже не были в него вовлечены. Например, в выступлении от 6 февраля 2020 года Вы сказали:

(говорит по-английски)

«Ни один, ни второй уже не участвовали в расследованиях МУФ в последние шесть месяцев, когда была проведена большая часть аналитической работы».

(говорит по-русски)

Более того, Вы утверждаете, что эти инспекторы, особенно один из них, который был в Думе, не играл никакой роли в расследовании. Это опровергается имеющимися фактами и документами. На заседании Совета Безопасности 15 апреля журналист Аарон Мате с документами на руках показал нам, что большая часть работы была предпринята в первые несколько месяцев расследования, когда инспектор Б. был по-прежнему ключевым членом МУФ и автором оригинального доклада. Например, сравнивая оригинальный доклад с финальным, Мате показывает, что 70 процентов всех образцов были проанализированы в первый месяц, включая 100 процентов образцов дерева. Можете ли Вы объяснить, какую специфическую аналитическую работу проводила МУФ в последние шесть месяцев расследования, возможно, по изменению оригинальных первоначальных выводов инспекторов, которые расследовали это дело?

Во-вторых, в июне 2018 года МУФ обратилась к четырем токсикологам и фармакологам из НАТО с экспертизой по химическому оружию. Материалы этой встречи утекли, и «Викиликс» их опубликовал. Они показывают, что эти эксперты исключили использование хлора как причины смерти жертв, которых снимали в Думе. Этот вывод был признан в оригинальном докладе, однако был упущен в заключительном докладе. Заключительный финальный доклад также исключил июньскую встречу из перечня того, чем занималась группа. Почему же финальный доклад исключил выводы токсикологов о том, что хлор не был причиной смерти жертв, которых нам показывали?

Финальный доклад дает ссылку на позднейшие встречи с токсикологами в сентябре-октябре, которые включены в число встреч, проведенных группой по расследованию. Однако финальный доклад не дает никакой информации, к каким выводам эти новые токсикологис пришли. Почему и как так случилось, что их выводы стали важнее и позволили проигнорировать выводы первых токсикологов? Почему финальный доклад не объясняет, что конкретно нашли эти токсикологи? Почему их выводы и находки не сравнены с выводами тех токсикологов, которые занимались этим вначале, почему те первые выводы упущены из доклада? Надеюсь получить ответы на эти вопросы.

В-третьих, это первоначальное объявление Сирии по Конвенции по химическому оружию (КХО). Мы просили разъяснить, чем объясняются различия в подходах по этому вопросу к Дамаску и другим странам, которые сталкивались с аналогичными проблемами, но на которые не обрушивалось за это такое шквал критики, как на Сирию.

В-четвертых, методология работы Технического секретариата ОЗХО, который в своих расследованиях опирается на информацию из ангажированных источников, оппозиционных сирийскому правительству, собирает доказательства удаленно и на их основании делает выводы в стиле «highly likely» («с высокой долей вероятности»). Это прямое нарушение КХО, в которой зафиксирована необходимость соблюдения последовательности действий для обеспечения сохранности доказательств. Более того, бывший пресс-секретарь ОЗХО г-н Лухан в 2013 году заявлял, что Организация никогда не будет заниматься изучением образцов, которые не были собраны ее инспекторами «в поле». Получается, что сейчас Технический секретариат открыто нарушает им же задекларированные принципы и не стесняется признаваться в этом в своих докладах. Нас интересует, какие меры по выправлению этой ситуации намерено предпринять руководство Технического секретариата ОЗХО.

Еще один вопрос — «двойные стандарты» Технического секретариата ОЗХО при подборе источников доказательств. Инспекционные команды ОЗХО с готовностью хватаются за любые, даже самые слабые и неубедительные, материалы от печально известных «белых касок», а свидетельства причастности оппозиции к организации провокаций с применением химического оружия, представленные профессионалами — сирийскими властями и российскими военными, — откровенно игнорируют, равно как и многочисленные подтверждения местных очевидцев, то есть живых очевидцев, о постановочном характере этих инцидентов. В частности, это в очередной раз подтвердилось в докладе МУФ по инциденту в ноябре 2018 года в Алеппо.

Время идет, и вопросы к Вам, г-н Генеральный директор, как к руководителю Технического секретариата ОЗХО копят как снежный ком. История с докладом по Думе не то что не закончена, в ней появляются все новые и новые «повороты»: теперь уже гонениям подвергаются даже не сами инспек-

тора ОЗХО, а независимые эксперты, которые пытаются в этой истории разобраться. Вдвойне печально, что к кампании по их очернению подключаются «независимые» и «демократические» западные средства массовой информации, вроде Би-би-си. По-прежнему остается без ответа со стороны руководства ОЗХО обращение видных общественных деятелей, в частности известной неправительственной организации (НПО) «*Courage Foundation*», в котором руководство Технического секретариата призывают, наконец, разобраться в многочисленных нарушениях в его работе, включая свидетельства о подлоге при подготовке доклада по Думе.

Нам непонятен такой избирательный подход. С одними НПО, вроде «белых касок», Технический секретариат активно сотрудничает, привлекая их к решению весьма чувствительных задач, к другим, задающим «неудобные» вопросы, — демонстративно поворачивается спиной. О какой свободе слова, транспарентности или учете мнений «гражданского общества» можно вести речь?

Однако с декабря прошлого года появились и новые вопросы. Прежде всего они касаются «вброшенного» накануне голосования в апреле на Конференции государств — участников КХО нового доклада Группы по расследованию и идентификации (ГРИ) по инциденту в Саракибе в феврале 2018 года. Ни одно из нарушений методологии расследования, о которых мы говорим годами, в нем не исправлено. Из самого доклада следует, что ГРИ на место инцидента никогда не выезжала. Все вещественные доказательства собирались представителями опять-таки печально известной НПО «белые каски». Половина опрошенных свидетелей — опять же по большей части «белокасочники», а изучали их показания анонимные «авторитетные эксперты и научные институты». О какой беспристрастности или «сохранности доказательств» тут можно говорить?

Как и в случае с Думой, совершенно не ясно, зачем Дамаску было применять хлор в Саракибе и предсказуемо «подставляться» под международную критику, если это все равно не принесло бы ему никаких военных или иных выгод? ГРИ ссылается на якобы имевшее место применение в Саракибе всего одного баллона с хлором, в результате чего легкие поражения получили 12 человек, которые были выписаны из госпиталя в течение 2 часов с

момента прибытия туда. При этом сама же Группа констатирует, что в этот период активные наступательные действия сирийской армией в этом районе не велись.

Доклад изобилует и другими заметными нестыковками вроде показаний псевдосвидетелей о летящих на малой высоте со включенными огнями вертолетах, что в принципе недопустимо при выполнении боевых задач в ночное время, или баллона, который успел наполовину заржаветь менее чем через 12 часов после падения на землю.

Хотели бы, чтобы г-н Ариас эти моменты сегодня прокомментировал.

Но в новом документе ГРИ есть еще один элемент, который переходит любые разумные рамки. В пункте 5.18 сказано, что одним из наиболее вероятных мотивов авиаудара с применением хлора стала «месть за сбитый ранее боевиками ... российский самолет СУ-25». При этом вывод ГРИ делает со ссылкой на некое анонимного «военного эксперта».

Призываем г-на Ариаса дать объяснения, на каком основании Технический секретариат, который, по утверждению его руководства, занимается строго техническим анализом, выходит за все мыслимые рамки своего мандата и занимается откровенными измышлениями с политической подоплекой? Кто поручил инспекторам включить этот заведомо ложный вывод в итоговый документ?

В ходе апрельской встречи Совета Безопасности Организации Объединенных Наций по формуле Аррии, организованной Россией, один из докладчиков, независимый журналист А. Матэ, обратился с вопросом к представителям Соединенных Штатов и Великобритании, поддержат ли они расследование ситуации с махинациями вокруг доклада МУФС Научно-консультативным советом ОЗХО при участии бывших инспекторов этой миссии. Ответа от коллег мы так и не услышали.

Однако напомним, что в соответствии с пунктом D (45) КХО ответственность за деятельность этого совета лежит на Генеральном директоре ОЗХО. Поэтому хотели бы попросить Вас, г-н Ариас, ответить, согласны ли Вы организовать сугубо техническую дискуссию в рамках Научно-консультативного совета (НКС) ОЗХО с привлечением известных инспекторов для обсуждения всех нестыковок во-

круг доклада по Думе. Думается, наши западные коллеги, которые так активно ратуют за прозрачность и деполитизацию работы ОЗХО, должны это только приветствовать. Мы все заинтересованы здесь в откровенном и, как опять же многие делегации подчеркивают, техническом разговоре между профессионалами. Если же Вы не считаете возможным организовать такую дискуссию в Научно-консультативном совете ОЗХО, то какие иные варианты разрешения этой ситуации Вы готовы предложить? Готовы ли Вы встретиться с бывшими инспекторами и напрямую обсудить с ними их озабоченности? Рассчитываем услышать ответы на все перечисленные мной вопросы в рамках открытой части сегодняшнего заседания.

Я хочу подчеркнуть, что мы собрались здесь сегодня не для того, чтобы, как это пытаются представить некоторые коллеги, устроить «допрос» Генеральному директору ОЗХО, забросав его «неудобными» вопросами. Речь идет о необходимой коллективной работе по выправлению сложившейся в ОЗХО плачевной ситуации. Открытый разговор с руководством Организации крайне нужен, чтобы предотвратить дальнейшую эрозию ее авторитета и повторение унижительной для этой организации ситуации, которая произошла в апреле текущего года, когда на Конференции государств-участников было принято решение о поражении в правах суверенного государства, добросовестно соблюдающего Конвенцию. Оно в очередной раз «продавлено» в нарушение норм КХО и многолетней практики консенсуса, принятой в ОЗХО. Обнадеживает, что по факту за него проголосовало меньше половины государств — членов ОЗХО, а из нынешнего состава Совета — только шесть западных государств. Остальные были либо против, либо воздержались. Такую же позицию занял ряд бывших членов Совета, которые в прошлом году присутствовали на его заседаниях по сирийскому «химическому досье» и, что называется, знают ситуацию «изнутри».

В заключение отмечу, что нас, как и многих других ответственных участников КХО и страну, стоявшую у истоков создания ОЗХО, тревожит курс на политизацию ее работы, который навязывают ей западные коллеги. ОЗХО, которая должна стоять на страже режима нераспространения химического оружия, не должна превращаться в проводника чьих-либо политических интересов или инструмент наказания «неугодных». К сожалению, все бо-

лее реальными становятся риски, что Сирийей дело не ограничится, «под удар» может попасть любое другое государство, на которое захотят надавить при помощи «химического» рычага.

На Совете Безопасности Организации Объединенных Наций лежит особая ответственность не допустить такого развития событий. Мы все должны приложить усилия к тому, чтобы ОЗХО была способна полноценно справляться с реализацией своего мандата, оставаясь беспристрастным стражем режима нераспространения химического оружия.

Поэтому сегодняшний разговор с Генеральным директором ОЗХО, надеемся, будет далеко не последним и позволит нам хотя бы на шаг приблизиться к этой цели. Россия готова и дальше на всех площадках бороться за восстановление доверия к ОЗХО и укрепление ее авторитета и отстаивать основы режима нераспространения оружия массового уничтожения.

Г-н Миллс (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я благодарю Высокого представителя за ее сегодняшнее выступление, и Соединенные Штаты приветствуют Генерального директора Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) Фернандо Ариаса, который принимает участие в сегодняшней дискуссии. Мы благодарим его за обстоятельное выступление. Позвольте мне отметить, что Соединенные Штаты по-прежнему признательны ему за его самоотверженные усилия и руководящую роль в ОЗХО в деле сохранения норм, запрещающих применение химического оружия.

Мы хотели бы также поблагодарить отважных сотрудников ОЗХО, которые обеспечивают выполнение беспристрастной и независимой работы этой организации, зачастую — как отметил Генеральный директор — в опасных и трудных условиях. Их служба и профессионализм никогда не должны восприниматься как должное. Соединенные Штаты наряду с подавляющим числом ответственных государств будут и впредь содействовать работе ОЗХО по выполнению ее важнейшего мандата на фоне сохраняющейся угрозы применения химического оружия.

Давайте скажем прямо: режим Асада несет ответственность за бесчисленные злодеяния, некоторые из которых могут быть приравнены к военным

преступлениям и преступлениям против человечности. Как был проинформирован Совет Безопасности в апреле текущего года (см. S/2021/337), Группа по расследованию и идентификации (ГРИ) ОЗХО опубликовала свой второй доклад. В этом докладе сделан вывод о том, что есть разумные основания полагать, что в феврале 2018 года военно-воздушные силы Сирийской Арабской Республики применили химическое оружие в Саракибе, Сирия. В результате этих действий были причинены преднамеренные и невыразимые страдания сирийским жертвам.

Имеются многочисленные документальные свидетельства применения режимом Асада химического оружия против сирийского народа. ГРИ возложила на режим Асада ответственность за четыре отдельных нападения с применением химического оружия в Сирии. Эти инциденты пополнили список из еще четырех нападений с применением химического оружия, приписываемых режиму Асада бывшим Совместным механизмом по расследованию ОЗХО — Организации Объединенных Наций. Соединенные Штаты согласны с выводами ОЗХО, приведенными в этом последнем докладе (см. S/2021/415). Несмотря на оказываемое ОЗХО содействие и помощь Сирии в соблюдении ее обязательств по Конвенции о химическом оружии и резолюции 2118 (2013), режим Асада — при поддержке России — продолжает игнорировать призывы международного сообщества в полном объеме раскрыть информацию о своей программе по созданию химического оружия и уничтожить свое химическое оружие поддающимся проверке образом. Если виновные в совершении зверских преступлений против сирийского народа не будут привлечены к ответственности, прочный мир в Сирии останется недостижимым. Соединенные Штаты вновь призывают к отправлению правосудия и привлечению виновных к ответственности, что является необходимым условием продвижения Сирии по пути политического урегулирования конфликта.

Соединенные Штаты приветствуют решение Конференции государств — участников ОЗХО от 21 апреля, в котором, как мы слышали, было осуждено применение Сирией химического оружия и в соответствии с которым Сирия лишилась прав и привилегий по Конвенции о химическом оружии. Конференция государств-участников впервые приняла такие меры в ответ на неоднократное приме-

нение режимом Асада химического оружия и владение им таким оружием, а также на его неспособность завершить осуществление мер, изложенных в решении Исполнительного совета ОЗХО от июля 2020 года. Принятие такого решения Конференцией государств-участников — которое поддержало подавляющее большинство из почти 90 стран мира и против которого выступили лишь 15 государств — посылает четкий и недвусмысленный сигнал о том, что применение химического оружия влечет за собой последствия.

На последнем заседании Совета по данному вопросу (S/2021/446) мы ясно дали понять, что, как бы ни старались распространять дезинформацию Сирия и ее малочисленные сторонники, это не может опровергнуть или поставить под сомнение достоверность доказательств, представленных ОЗХО. Режим Асада должен выполнить свои обязательства по Конвенции о химическом оружии и резолюции 2118 (2013).

Г-н Фам (Вьетнам) (*говорит по-английски*): Прежде всего я благодарю заместителя Генерального секретаря и Высокого представителя по вопросам разоружения Идзуми Накамицу и Генерального директора Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) Фернандо Ариаса Гонсалеса за их сообщения.

Я также приветствую участие в этом заседании представителей Сирии, Ирана и Турции.

Прежде всего позвольте мне напомнить о том, что Вьетнам проводит последовательную политику поддержки нераспространения и разоружения в отношении оружия массового уничтожения, в том числе химического оружия. Химическое оружие является неизбирательным и бесчеловечным и может иметь долгосрочные последствия для жизни людей и окружающей среды. Делегация нашей страны безоговорочно осуждает применение химического оружия кем бы то ни было, где бы то ни было и при каких бы то ни было обстоятельствах.

Разделяя общую цель — избавить грядущие поколения от бедствий такого вида оружия, — мы вновь подчеркиваем жизненно важное значение выполнения в полном объеме всеми государствами-участниками своих обязательств по Конвенции о химическом оружии (КХО). Для достижения этой цели ключевое значение имеет роль ОЗХО как мно-

гостороннего органа, которому поручено оказывать содействие в осуществлении КХО. В этой связи работа этой организации должна вестись максимально комплексно, объективно и беспристрастно. Такие высокие стандарты, особенно в отношении расследования предполагаемых нарушений Конвенции, должны помочь в установлении неопровержимых фактов и доказательств в целях обеспечения правосудия и предотвращения нарушений.

Что касается вопроса о химическом оружии в Сирии, то мы разделяем обеспокоенность по поводу предполагаемого применения такого оружия. Также глубокую тревогу вызывает поступающая информация о его наличии у вооруженных групп и о его применении ими. Хотя прогресс, достигнутый в закрытии этого досье в течении отчетного периода, является, по-видимому, ограниченным, мы хотели бы поделиться соображениями по поводу двух факторов, которые мы считаем крайне важными.

Во-первых, речь идет о постоянном взаимодействии между ОЗХО и Сирией. Наша делегация принимает к сведению ежемесячные доклады Генерального директора ОЗХО по этому вопросу, в том числе о взаимодействии между Техническим секретариатом и Сирией в рамках технических совещаний, поездок на места и обмена письмами. Мы призываем к тесному, постоянному и конструктивному сотрудничеству между Группой по оценке объявлений и сирийским Национальным органом при решении оставшихся вопросов, касающихся первоначального объявления, — речь идет о первом шаге любого государства-участника в процессе осуществления КХО. Мы рассчитываем на получение обновленной информации об итогах консультаций между двумя сторонами, в том числе по новому нерешенному вопросу, упомянутому в девяносто втором докладе (см. S/2021/514).

Хотя мы принимаем к сведению решение Конференции государств — участников КХО от 21 апреля, наша делегация твердо убеждена в том, что для продвижения вперед в процессе закрытия этого досье, рассмотрение которого затянулось, необходимо постоянно расширять взаимодействие.

Во-вторых, я хотел бы остановиться на эффективном международном сотрудничестве. Расхождения во мнениях по этому вопросу блокируют нашу работу по выполнению в полном объеме КХО и резолюции 2118 (2013). Крайне важно, чтобы между-

народное сообщество выступало единым фронтом, в том числе в Гааге и Нью-Йорке. Соответственно, конструктивное международное сотрудничество без какой-либо политизации имеет чрезвычайно важное значение в контексте поддержки усилий Технического секретариата ОЗХО и сирийского правительства, направленных на поиск решений. Разногласия также должны разрешаться конструктивным образом и не должны политизироваться.

В заключение Вьетнам хотел бы подчеркнуть необходимость всеобъемлющего политического урегулирования кризиса в Сирии под руководством и при участии самих сирийцев и при содействии Организации Объединенных Наций, а также в полном соответствии с принципами международного права и положениями Устава Организации Объединенных Наций. Именно в этом ключ к решению всех вопросов и преодолению всех разногласий, причем это единственный путь, который позволит вернуть стабильность в интересах сирийского народа.

Г-н де ла Фуэнте Рамирес (Мексика) (*говорит по-испански*): Прежде всего я хотел бы отметить участие в этом заседании Генерального директора Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) г-на Фернандо Ариаса, которого я вновь заверяю в поддержке Мексикой работы ОЗХО. Я также благодарю г-жу Накамицу за ее подробное сообщение. Кроме того, мы приветствуем присутствие представителей Сирийской Арабской Республики, Исламской Республики Иран и Турции.

Наша страна приняла к сведению доклад и вопросы, в связи с которыми мы по-прежнему рассчитываем на всемерное сотрудничество со стороны Сирии в том, что касается объявления всех веществ, которые были произведены и использованы для создания оружия. Мексика настоятельно призывает Сирию рассмотреть возможность проведения нового раунда консультаций с Группой по оценке объявлений, с тем чтобы пролить свет на вопрос о присутствии чистого боевого отравляющего вещества, которое в сентябре 2020 года было обнаружено в пробах, отобранных из больших емкостей для хранения. Мы также надеемся, что будут продолжаться инспекции, проводимые Миссией по установлению фактов в местах, указанных Совместным механизмом по расследованию ОЗХО — Организации Объединенных Наций и Группой по расследованию и идентификации. Сотрудничество

со стороны Сирии является необходимым для того, чтобы эти миссии могли выполнить свою работу. Например, всем было бы полезно узнать, был ли достигнут какой-либо прогресс в осуществлении мер, санкционированных Исполнительным советом ОЗХО 9 июля 2020 года.

Мексика считает, что постоянный диалог между Советом Безопасности и ОЗХО благоприятно скажется на достижении объективного прогресса по некоторым из нерешенных вопросов. В то же время мы полагаем, что стоило бы задуматься о формате этих ежемесячных информационных встреч. Мексика поддерживает идею проведения открытых заседаний, которые позволят повысить транспарентность и подотчетность Совета Безопасности. Однако, к сожалению, что касается рассматриваемого нами вопроса, то такие заседания не позволили добиться прогресса в достижении общей для всех нас цели — предотвращении любых возможных случаев применения химического оружия в этом регионе.

Нет особой пользы в обмене мнениями, которые уже хорошо известны, поскольку такой обмен способствует поляризации и вредит поиску жизнеспособных альтернативных вариантов и выполнению положений, установленных Советом Безопасности.

Мексика вновь призывает Генерального секретаря активизировать свои усилия по оказанию добрых услуг в рамках отношений между Сирией и ОЗХО, а также с заинтересованными сторонами, с тем чтобы разрешить этот вопрос, который рассматривается нами уже очень много лет.

Если Совет Безопасности единогласно осуждает применение химического оружия, кто бы его ни применял и каковы бы ни были обстоятельства, то Совет должен отстаивать нормы, запрещающие применение химического оружия и соответствующие бесчеловечные последствия, и оказывать поддержку мандату ОЗХО, требуя, чтобы последняя играла свою надлежащую роль, но при этом мы должны столь же пристальное внимание уделять учету всех голосов.

Мексика будет и впредь внимательно следить за развитием событий. Решение этого вопроса может быть найдено только дипломатическим путем. Поэтому мы должны обеспечить всем соответствующую

щим сторонам возможность всегда присутствовать за столом переговоров.

Г-н Тирумурти (Индия) (*говорит по-английски*): Позвольте мне прежде всего поблагодарить заместителя Генерального секретаря и Высокого представителя по вопросам разоружения Идзуми Накамицу и Генерального директора Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) г-на Фернандо Ариаса за их сообщения.

Мы приняли к сведению последний доклад Генерального директора ОЗХО, опубликованный 28 мая, о прогрессе, достигнутом в ликвидации сирийской программы химического оружия (см. S/2021/514). В докладе освещаются нерешенные вопросы, связанные с выполнением Сирией обязательств по объявлению и уничтожению химического оружия в соответствии с Конвенцией по химическому оружию, а также с возможным применением химического оружия.

Индия рассматривает Конвенцию по химическому оружию как уникальный и недискриминационный разоруженческий документ, представляющий собой образцовый пример ликвидации целой категории оружия массового уничтожения. Индия придает большое значение Конвенции по химическому оружию и выступает за ее полное, эффективное и недискриминационное осуществление. Важно поддерживать авторитет и целостность Конвенции. Кроме того, Индия выступает против применения химического оружия кем бы то ни было, где бы то ни было, когда бы то ни было и при каких бы то ни было обстоятельствах.

Индия последовательно придерживается позиции, согласно которой любое расследование применения химического оружия должно носить беспристрастный и объективный характер, а его результаты пользоваться доверием, и проводиться при неукоснительном соблюдении положений и процедур Конвенции с сохранением хрупкого баланса между закрепленными в этом документе полномочиями и обязанностями в том, что касается установления фактов и формулирования основанных на фактических данных выводов. Мы вновь призываем ОЗХО неукоснительно следовать этим параметрам и рассчитываем, что она прислушается к нашему призыву

Призываем Сирию продолжать сотрудничать с ОЗХО в урегулировании нерешенных вопросов и надеемся, что следующий раунд консультаций с участием Группы по оценке объявлений состоится в ближайшее время.

Индия давно предупреждает о возможности нападения химического оружия в руки террористических организаций и отдельных террористов. В последнем докладе Следственной группы Организации Объединенных Наций по содействию привлечению к ответственности за преступления, совершенные ДАИШ/«Исламским государством Ирака и Леванта»(S/2021/419), говорится о неоднократном применении химического оружия организацией «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) против гражданского населения в 2014–2016 годах. Эти атаки вызывают серьезную озабоченность, в связи с чем необходимо признать факт их совершения и принять соответствующие меры, учитывая, что основными районами операций ИГИЛ являются Сирия и Ирак. Вызывает глубокую озабоченность активизация террористической деятельности в Сирии и регионе в целом в результате вмешательства в ход сирийского конфликта внешних субъектов. Нас тревожат поступающие многочисленные сообщения об активизации в регионе террористических групп. Международное сообщество не может позволить себе игнорировать террористическую деятельность в Сирии и регионе.

В заключение Индия настоятельно призывает к всеобъемлющему и мирному урегулированию сирийского конфликта самими сирийцами через диалог и с учетом законных чаяний народа Сирии при содействии со стороны Организации Объединенных Наций и в соответствии с резолюцией 2254 (2015). Мы принимаем к сведению результаты недавних президентских выборов в Сирии, которые относятся к сфере ее суверенных прав. Мы вновь заявляем о своей поддержке предпринимаемых под руководством Организации Объединенных Наций усилий по скорейшему урегулированию десятилетнего конфликта в Сирии.

Г-жа Принс (Сент-Винсент и Гренадины) (*говорит по-английски*): Благодарю Генерального директора Ариаса и заместителя Генерального секретаря и Высокого представителя по вопросам разоружения г-жу Накамицу за их содержательные брифинги.

Прежде всего хотела бы вновь заявить о твердой позиции Сент-Винсента и Гренадин, согласно которой применение химического оружия где бы то ни было и кем бы то ни было представляет собой вопиющее нарушение международного права. Нельзя закрывать глаза на зверские преступления, связанные с применением химического оружия, и потворствовать безнаказанности. Виновные должны понести наказание. На Совете и Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) лежит большая ответственность за защиту международного режима нераспространения, и последующие поколения вынесут нам весьма суровый приговор за наше бездействие.

В этой связи мы поддерживаем мандат ОЗХО и выступаем в поддержку усилий, направленных на то, чтобы качество ее работы и далее отвечало самым высоким стандартам. Мы вновь заявляем о том, что вся деятельность этой организации, в том числе работа Миссии по установлению фактов, Группы по расследованию и идентификации и Группы по оценке объявлений, должна носить беспристрастный, прозрачный и неполитизированный характер. Репутация ОЗХО должна быть безупречной — в противном случае она перестанет пользоваться доверием и ее эффективность снизится. Ее заключения должны выдерживать самую строгую проверку, с тем чтобы государства-участники могли и далее полагаться на результаты ее работы. Кроме того, для предотвращения дальнейшей поляризации и раскола в интересах развития международного сотрудничества необходимо перейти на практику принятия решений на основе консенсуса.

Мы вновь подчеркиваем важность устранения пробелов, несоответствий и расхождений в первоначальной декларации по химическому оружию. Первостепенное значение для дальнейшей работы и полного выполнения резолюции 2118 (2013) имеет продолжение сотрудничества со стороны правительства Сирии. Несмотря на препятствия, возникшие в связи с пандемией коронавирусной инфекции, работа над этим вопросом должна быть продолжена, и мы призываем стороны сохранять приверженность курсу на проведение технических консультаций. Технический секретариат и различные группы должны располагать всей полнотой информации и пользоваться доступом для эффективного выполнения своих соответствующих мандатов. Надеемся,

что все стороны будут конструктивно взаимодействовать в этой связи.

Поэтому так важно сохранить доверие, поскольку без доверия не может быть сотрудничества. Поэтому мы должны продвигать и поддерживать диалог между сирийским правительством и ОЗХО. Такие действия не только свидетельствуют об уважении к суверенитету и территориальной целостности страны, но и способствуют укреплению столь необходимого доверия и сотрудничества в отношениях между сторонами.

Применение боевых отравляющих химических веществ, несомненно, является одной из наиболее серьезных угроз международному миру и безопасности. Сент-Винсент и Гренадины разделяют видение мира, свободного от химического оружия и поддерживают все усилия, направленные на то, чтобы достижения прикладной науки и техники использовались исключительно в интересах обеспечения мира, прогресса и процветания всего человечества.

Г-н Гэн Шуан (Китай) (*говорит по-китайски*): Я благодарю Высокого представителя Накамицу и Генерального директора Ариаса за их брифинги.

В последнем ежемесячном докладе, представленном Организацией по запрещению химического оружия (ОЗХО) (см. S/2021/514), говорится, что в ноябре прошлого года Технический секретариат провел седьмой раунд инспекций на объектах сирийского Центра научных изысканий и исследований и не обнаружил там никаких химических веществ, запрещенных Конвенцией по химическому оружию, или соответствующих видов деятельности, нарушающих ее положения. В докладе также указывается, что Технический секретариат поддерживает с Сирией контакты по вопросу о сроках проведения следующего раунда консультаций. Надеемся, что обе стороны как можно скорее завершат соответствующие процедуры и продолжат работу по урегулированию нерешенных вопросов в рамках диалога и консультаций.

В докладе также освещаются деятельность Группы по расследованию и идентификации (ГРИ), итоги девяносто четвертой сессии Исполнительного совета и меры, принятые на двадцать пятой Конференции государств — участников Конвенции. Следует отметить, что эти меры являются весьма спорными и значительно отклоняются от правиль-

ного курса на решение проблем, связанных с сирийским химическим оружием.

В Конвенции предусматривается лишь проведение расследований в целях установления фактов предполагаемого применения химического оружия и ничего не говорится о выявлении виновных. Создание ГРИ выходит за рамки круга ведения Конвенции и является политически мотивированным решением, не соответствующем техническому предназначению ОЗХО.

Некоторые страны настаивают на голосовании в ОЗХО, какое уже состоялось в апреле на двадцать пятой Конференции государств — участников Конвенции, по итогам которого было принято решение о приостановлении права Сирии участвовать в голосовании и выборах, которое поддержали менее половины государств-участников. Половина членов Совета Безопасности не поддержала это решение, что является наглядным подтверждением его противоречивого характера.

Китай выражает глубокую озабоченность в связи с высокой степенью политизации работы ОЗХО и в связи с глубокими разногласиями между государствами-участниками. Государства-участники несут общую ответственность за поддержание авторитета и эффективности Конвенции и за скорейшее возвращение работы ОЗХО в правильное русло. Это также является единственным надежным способом решить проблему сирийского химического оружия.

Китай призывает все государства-участники в своей практической деятельности придерживаться многостороннего подхода в его истинном смысле, рассматривать Конвенцию в качестве стандарта, сохранять приверженность курсу на проведение консультаций и сотрудничество и воздерживаться от конфронтационных действий. Надеемся, что ОЗХО будет придерживаться в своей работе принципов независимости, объективности и беспристрастности и играть позитивную и конструктивную роль в достижении цели построения мира, свободного от химического оружия.

Г-н Кибойно (Кения) (*говорит по-английски*): Я благодарю г-жу Накамицу, лично присутствующую здесь сегодня для проведения регулярного брифинга, а также г-на Фернандо Ариаса за его содержательное сообщение. Мы также приветствуем представителей Сирии, Ирана и Турции.

Мы принимаем к сведению девяносто второй ежемесячный доклад (см. S/2021/514) Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) и представление Сирийской Арабской Республикой девяностого ежемесячного доклада.

Кения вновь заявляет о своей поддержке мандата ОЗХО и ее важных обязанностей по обеспечению выполнения Конвенции по химическому оружию. Кения осуждает любое применение химического оружия кем бы то ни было и при каких бы то ни было обстоятельствах. Применение химического оружия представляет собой особую категорию угрозы — не только для сирийского народа, но и для международного сообщества. Его применение где бы то ни было какой бы то ни было из сторон может привести к его более широкому и все более активному применению. Поэтому не будет преувеличением утверждать, что то, как сейчас Совет Безопасности и его члены занимаются урегулированием нынешней ситуации, будет либо одобрено, либо подвергнуто осуждению будущими поколениями.

При осуществлении резолюции 2118 (2013) необходимо исходить из признания того, что эта проблема носит серьезный и насущный характер. В частности, необходимо принимать надлежащие меры для укрепления веры в проводимые ОЗХО работу и процессы и доверия к ним. Мы сможем продвинуться вперед в том случае, если члены Совета будут применять прагматичные подходы, снижающие уровень политически мотивированной предвзятости представлений об отношении ее директивных и управленческих структур к данному пункту повестки дня.

Скорейшее завершение и закрытие текущих расследований позволит с оптимизмом смотреть на возможность установления мира в Сирии. Поэтому мы призываем Сирийскую Арабскую Республику и ОЗХО более эффективно сотрудничать между собой и завершить эту работу. Мы с удовлетворением отмечаем тот факт, что Группа по оценке объявлений продолжает предпринимать усилия по выяснению всех нерешенных вопросов. Мы приветствуем направление Группы в Сирию в период 28 мая–11 июня 2021 года и с нетерпением ждем ее доклада.

Я вновь заявляю о том, что Кения поддерживает сирийский народ. Мы считаем, что мир и безопасность в его стране будут обеспечены только посредством политического урегулирования, до-

стигнутого путем проводимого под руководством самих сирийцев инклюзивного диалога.

Мы будем и впредь настоятельно призывать все стороны проявлять бдительность в их взаимодействии самыми различными способами с теми группами боевиков, которые преследуют цели «Аль-Каиды» и «Исламского государства Ирака и аш-Шама». Слишком часто краткосрочная целесообразность контактов с такими группами оказывалась крайне пагубной для международного сообщества.

Дама Барбара Вудворд (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я благодарю Генерального директора Ариаса и г-жу Накамицу за их сегодняшние сообщения. За последние два года Генеральный директор уже в третий раз проводит брифинг в Совете Безопасности. Полагаю, что это указывает на постоянную обеспокоенность Совета Безопасности по поводу применения этого запрещенного оружия, а также на то значение, которое Генеральный директор придает диалогу и сотрудничеству между Советом и Организацией по запрещению химического оружия (ОЗХО).

Я хотела бы также поблагодарить Генерального директора за проводимую различными группами Технического секретариата ОЗХО работу, которая освещается в его ежемесячных докладах Совету. Несмотря на проблемы, вызванные пандемией, и тщательный надзор, под которым работает Технический секретариат, очевидно, что ОЗХО продолжает объективно и профессионально выполнять возложенные на нее обязанности и придает первоочередное значение диалогу, сотрудничеству, осмотрительности и объективности в работе с сирийскими властями и государствами-участниками ОЗХО.

Позиция Соединенного Королевства по этому вопросу хорошо известна, но я хотела бы особо выделить три момента.

Во-первых, мы по-прежнему глубоко обеспокоены тем, что в отношении первоначального объявления Сирией ее химического оружия сохраняются невыясненные вопросы, которых сейчас насчитывается 20. В совокупности с независимо сделанными Организацией Объединенных Наций и ОЗХО выводами, согласно которым, как указано в последнем докладе Группы по расследованию и идентификации, сирийский режим несет ответственность

за восемь нападений с применением химического оружия, что со всей очевидностью указывают на то, что Сирия сохранила часть арсенала химического оружия и готовность применять его и после 2013 года.

Во-вторых, сохранение этого потенциала означает наличие постоянной угрозы дальнейшего применения химического оружия. С учетом проблемы неустановленного местонахождения значительного количества отравляющих веществ и боеприпасов существует также вероятность того, что это оружие может попасть в руки других намеревающихся применить его групп.

В-третьих, по этой причине мы будем по-прежнему настаивать на всестороннем сотрудничестве Сирии с ОЗХО согласно резолюции 2118 (2013) и на полном и поддающемся проверке уничтожении сирийской программы химического оружия, с тем чтобы сохраняющуюся угрозу международному миру и безопасности можно было нейтрализовать к удовлетворению международного сообщества.

Я хотела бы воспользоваться присутствием Генерального директора, чтобы задать два вопроса.

Во-первых, резолюция 2118 (2013) требует от Сирии всестороннего сотрудничества. Как можно оценить сотрудничество Сирийской Арабской Республики? В связи с тем, что после семи лет работы в отношении первоначального объявления Сирии сохраняется 20 невыясненных вопросов, какие еще дальнейшие шаги и усилия необходимо предпринять для того, чтобы начать сокращать количество таких вопросов и продвинуться вперед в их решении?

Во-вторых, что касается методологии работы Группы по расследованию и идентификации, то не мог бы ли Генеральный директор рассказать нам побольше о том, с чего эта группа начинает свои расследования и как она собирает доказательства и проводит эти расследования? Принимает ли она выводы Миссии по установлению фактов просто как данное или ставит их под сомнение?

Г-жа Хеймербакк (Норвегия) (*говорит по-английски*): Я хотела бы поблагодарить Высокого представителя Накамицу за ее сообщение по последнему ежемесячному докладу (см. S/2021/514) о прогрессе в деле полной ликвидации сирийской программы химического оружия. Хотела бы также

поблагодарить Генерального директора Ариаса и вновь заверить его в неизменном доверии Норвегии и к нему, и к работе Технического секретариата Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО).

Норвегия с сожалением отмечает, что в ежемесячном докладе ОЗХО вновь говорится о весьма незначительном прогрессе и что запланированное на май направление в страну Группы по оценке объявлений (ГОО) не состоялось. Мы также обеспокоены тем, что Сирийская Арабская Республика не ответила на предложение ГОО о переносе сроков выездной миссии. Мы призываем сирийские власти своевременно откликнуться на него, чтобы ГОО смогла подтвердить следующий раунд инспекций, которые остаются важным компонентом режима проверки для обеспечения соответствия деятельности целям Конвенции по химическому оружию.

Мы вновь выражаем обеспокоенность сохранением столь значительного числа невыясненных вопросов — теперь уже 20. Мы настоятельно призываем Сирию всесторонне сотрудничать с ОЗХО и предоставить ей дополнительную информацию о видах и количестве отравляющих веществ, произведенных и/или использованных для снаряжения боеприпасов на некоторых ранее подвергнутых инспекции объектах. Опять же, Сирийская Арабская Республика должна выполнить свои обязательства по Конвенции по химическому оружию и резолюции 2118 (2013). Мы также призываем Сирию принять соответствующие меры, необходимые для отмены приостановки действия ее прав и привилегий как государства-участника Конвенции по химическому оружию.

Ликвидация химического оружия в Сирии — дело, не терпящее отлагательств. Слишком долго международное сообщество и народ Сирии сталкиваются с многочисленными нерешенными проблемами и остающимися без ответа вопросами. Обеспечение ответственности за применение химического оружия по-прежнему является одной из приоритетных задач, и мы вновь заявляем о том, что Норвегия полностью поддерживает заявление, сделанное 18 мая от имени Международного партнерства по борьбе с безнаказанным применением химического оружия.

Существует глобальная норма, запрещающая применение химического оружия. Мы как члены

Совета не можем игнорировать нарушения и допустить подрыва этой жизненно важной международной нормы.

Г-н Аужи (Нигер) (*говорит по-французски*): Я благодарю г-жу Идзуми Накамицу и г-на Фернандо Ариаса за их сообщения. Выражаю признательность представителям Сирии, Ирана и Турции за участие в сегодняшнем заседании.

Предотвращение и сдерживание производства и применения химического оружия зависит от нашей способности соблюдать положения Конвенции по химическому оружию и обеспечивать их выполнение. Первостепенную роль в данном вопросе играет Организация по запрещению химического оружия (ОЗХО). Поэтому крайне важно, чтобы эта квазиуниверсальная организация продолжала прилагать усилия для достижения этой цели и повышения уровня доверия государств-членов посредством обеспечения транспарентности и укрепления духа консенсуса в рамках своих обсуждений.

Технический секретариат ОЗХО должен также применять более инклюзивные подходы при осуществлении своей деятельности, с тем чтобы выводы, которые он делает по итогам своей работы, пользовались всеобщей поддержкой. Прискорбно, что спустя восемь лет после единогласного принятия резолюции 2118 (2013) вопрос о ликвидации сирийского арсенала химического оружия и обеспечении ответственности за применение этого оружия остается не до конца решенным. Отсутствует консенсус в отношении того, как решать эту проблему, а принятие безапелляционных решений, касающихся установления виновных, препятствует привлечению к ответственности лиц, которые действительно виновны в совершении этих преступлений, что приводит к нарушению интересов жертв, ожидающих отправления правосудия.

Как основной орган, ответственный за устранение угроз международному миру и безопасности, Совет Безопасности должен проявлять единство в решении этого вопроса и уделять пристальное внимание другим столь же важным аспектам этого кризиса, в частности гуманитарной ситуации и политическому процессу. На карту поставлен авторитет Совета и ОЗХО.

В этой связи я хотел бы остановиться на следующих моментах. Во-первых, наша делегация хоте-

ла бы вновь заявить, что следует избегать принятия любых других мер, кроме тех, которые направлены на полное выполнение резолюции 2118 (2013), а также положений доклада ОЗХО и содержащихся в нем выводов.

Во-вторых, сотрудничество между Сирией и Техническим секретариатом ОЗХО должно продолжаться и осуществляться в духе доброй воли, с тем чтобы урегулировать все нерешенные вопросы, включая продвижение работы Группы по оценке объявлений. В этой связи наша делегация отмечает постоянные усилия сирийского правительства, призванные пролить свет на случаи применения этого оружия на территории Сирии, в рамках его взаимодействия с ОЗХО и Советом Безопасности, а также его готовность продолжать работать с Техническим секретариатом путем обеспечения этому органу более широкого доступа к перечисленным объектам на всей территории Сирии при проведении расследований.

В-третьих, наша делегация призывает Организацию Объединенных Наций, Сирийскую Арабскую Республику и Технический секретариат ОЗХО более тесно сотрудничать по этому вопросу и уделять пристальное внимание всем утверждениям о применении химического оружия в Сирии.

В заключение Нигер подтверждает свою позицию, согласно которой применение химического оружия кем бы то ни было и по какой бы то ни было причине по-прежнему является недопустимым и противоречит нормам международного права. Мы поддерживаем работу ОЗХО и ее Технического секретариата, направленную на обеспечение того, чтобы никто и никогда больше не страдал от последствий применения этого запрещенного оружия.

Г-жа Бирн Нейсон (Ирландия) (*говорит по-английски*): Я хотела бы поблагодарить Генерального директора Ариаса за его сегодняшнее сообщение. Ирландия полностью уверена в его способности руководить работой Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО). Кроме того, я хотела бы поблагодарить заместителя Генерального секретаря Накамицу за ее сообщение.

ОЗХО играет важную роль в качестве беспристрастного и технического органа, уполномоченного международным сообществом заниматься проблемами, связанными с химическим оружием.

Профессионализм и добросовестность сотрудников ОЗХО очевидны, и мы глубоко сожалеем, что на сегодняшнем заседании некоторые члены Совета вновь продолжают подвергать сомнению и дискредитировать их работу, не имея на то никаких реальных оснований. Мы по-прежнему глубоко обеспокоены отсутствием прогресса со стороны Сирии в принятии мер для урегулирования растущего числа серьезных вопросов, связанных с ее первоначальным объявлением.

Некоторые в этом зале утверждают, что эти вопросы не являются существенными, что аналогичными несоответствиями изобилуют первоначальные объявления других государств и что отношение к Сирии является предвзятым. Как и другие выступавшие до меня ораторы, я хотела бы попросить Генерального директора Ариаса поделиться своими соображениями в отношении этого вопроса, а также в отношении способов проведения оценки усилий Сирии по урегулированию этих проблем за последние семь лет, прошедших с момента создания Группы по оценке объявлений, особенно с учетом весьма серьезного характера многих из этих нерешенных вопросов. Было бы также интересно узнать, как Генеральный директор оценивает уровень сотрудничества со стороны Сирии и характер мер, которые она принимает для решения вопросов, поднятых ОЗХО.

Кроме того, Сирия придает большое значение распространенному ею материалу о возможном обладании химическим оружием негосударственными субъектами в Сирии. Я хотела бы попросить Генерального директора провести оценку предоставленных Сирией материалов, а также обратиться к Сирии с просьбой оказать содействие усилиям по проверке этой информации.

Мы должны отделить факты от пустого шума. В конечном итоге очевидным является тот факт, что Сирия должна выполнять свои правовые обязательства. Она должна в полной мере сотрудничать с ОЗХО. Кроме того, она должна урегулировать серьезные вопросы, касающиеся своего объявления. Она также должна обеспечить, чтобы все ее запасы химического оружия были объявлены и уничтожены поддающимся проверке образом.

Лица, виновные в нападениях в Эль-Латамне и Саракибе, а также других многочисленных зарегистрированных нападениях с применением химиче-

ского оружия, совершенных сирийскими войсками, должны быть привлечены к ответственности. Нельзя допускать безнаказанности. Применение химического оружия где бы то ни было и когда бы то ни было отвратительно и неприемлемо. Совет Безопасности должен проявлять единство и решимость при реагировании на любое применение этого ужасного оружия. Необходимо обеспечить эффективное соблюдение международного запрета на его применение. Именно это и было сделано в апреле на Конференции государств — участников Конвенции по химическому оружию, в ходе которой были приняты меры в связи с невыполнением Сирией своих обязательств. К сожалению, мы, члены Совета, не смогли принять столь же четкие меры.

Г-н Ладеб (Тунис) (*говорит по-арабски*): Я благодарю Высокого представителя по вопросам разоружения г-жу Накамицу и Генерального директора Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) посла Ариаса за их сообщения. Я также приветствую участие в сегодняшнем заседании представителей Сирии, Ирана и Турции.

Прежде всего Тунис вновь заявляет о своем решительном осуждении применения химического оружия где бы то ни было, кем бы то ни было и при каких бы то ни было обстоятельствах, независимо от мотивов и обоснований. Мы подчеркиваем необходимость привлечения к ответственности лиц, совершивших такие ужасные преступления.

С учетом сложности ситуации в Сирии необходимо объединить усилия и заниматься поиском возможностей для принятия консенсусных решений и конструктивного сотрудничества в целях урегулирования существующих и возникающих проблем в рамках сирийского досье на основе норм международного права и соответствующих резолюций Совета Безопасности, а также путем укрепления доверия.

Тунис вновь заявляет о своей поддержке режима запрещения и нераспространения химического оружия. Этот режим основан на правилах, консенсусе и многостороннем подходе и направлен на устранение создаваемой химическим оружием угрозы человечеству. Тунис также поддерживает мандат ОЗХО, миссия которой имеет решающее значение для выполнения обязанностей по проведению независимой и беспристрастной проверки, в том числе в Сирийской Арабской Республике,

путем предоставления платформы для проведения консультаций и сотрудничества между государствами по соответствующим вопросам.

Мы приняли к сведению продолжающиеся усилия по продвижению вперед диалога между Группой по оценке объявлений и правительством Сирии. В этой связи настоятельно призываем обе стороны как можно скорее возобновить необходимые регулярные и постоянные технические консультации в условиях конструктивного взаимодействия и взаимного доверия для достижения быстрого прогресса в урегулировании нерешенных вопросов и обеспечения выполнения Сирией своих договорных обязательств.

Вновь подчеркиваем важность того, чтобы Технический секретариат Организации продолжал свою работу в Сирии в соответствии со своим мандатом, обеспечивая при этом проведение тщательных, транспарентных и беспристрастных расследований в связи с сообщениями о применении токсичных химических веществ в качестве оружия любой из сторон, в том числе террористическими группами, присутствие и распространение которых в некоторых частях Сирии по-прежнему представляет собой вызов для Сирии и всего международного сообщества. Такие группы не признают ни правовые, ни моральные основания запрета на применение химического оружия. В связи с этим также потребуется оказывать содействие в предоставлении регулярного доступа на места различным группам Технического секретариата на сирийской территории в координации с сирийским правительством, принимая во внимание трудности, которые по-прежнему возникают в результате пандемии коронавирусного заболевания.

В заключение отмечу, что международное сообщество и Совет Безопасности должны координировать усилия и выполнять возложенную на них обязанность по обеспечению контроля за выполнением Конвенции о химическом оружии и резолюции 2118 (2013), с тем чтобы ликвидировать угрозу, создаваемую химическим оружием, обеспечить верховенство права и привлечение виновных к ответственности, восстановить веру в эффективность режима запрещения химического оружия и предотвратить распространение этого оружия в интересах поддержания международного мира и безопасности.

Г-н де Ривьер (Франция) (*говорит по-французски*): Я хотел бы поблагодарить г-жу Накамицу за ее сообщение, а также Генерального директора Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) за участие в нашем сегодняшнем заседании. Это прекрасная возможность для того, чтобы внести ясность в этот вопрос

Читая последний доклад ОЗХО (см. S/2021/514), я вновь убеждаюсь в том, что нет никаких признаков улучшения ситуации. Напротив, присутствие чистого боевого отравляющего вещества, обнаруженного в ёмкостях для хранения, привело к возникновению нового нерешенного вопроса. Этот вопрос пополнил и без того длинный список других нерешенных вопросов. Сирийский режим до сих пор не ответил на новый запрос о развертывании Группы по оценке первоначального объявления. Поэтому я хотел бы задать Генеральному директору простой вопрос: как он оценивает сотрудничество Сирии с ОЗХО, в частности в отношении первоначального объявления спустя более чем семь лет после принятия резолюции 2118 (2013)?

Решение C-25/Dec.9, принятое на двадцать пятой Конференции государств — участников Конвенции по химическому оружию, было необходимой мерой. Мы не могли позволить государству-участнику вопиющим образом и неоднократно нарушать свои международные обязательства и не принять в этой связи меры реагирования. Теперь Сирия должна выполнить свои обязательства, если она хочет восстановить свои права и привилегии.

Второй доклад Группы по расследованию и идентификации был подготовлен совершенно независимым образом. В нем были вновь выявлены преступления сирийского режима. Нам известно, что военно-воздушные силы Сирийской Арабской Республики сбросили с вертолета баллон с хлором на Саракиб. Выводы очевидны; доказательства неопровержимы. Тем не менее некоторые страны весьма неубедительным образом подвергают этот доклад сомнению. Поэтому я хотел бы вновь обратиться к Генеральному директору с просьбой, если это возможно, объяснить нам, какой методологии придерживалась Группа по расследованию и идентификации в своей работе и что позволило ей прийти к таким выводам.

Я из месяца в месяц повторяю и буду повторять и впредь, что применение этого чудовищного

оружия не может остаться безнаказанным. Будут проведены судебные разбирательства, в том числе в национальных судах. Эти разбирательства будут основываться, в частности, на докладах ОЗХО. Именно поэтому я говорю Генеральному директору, что его работа имеет столь важное значение. Сбор доказательств продолжается, и они будут обязательно использованы в деле. Этот сигнал мы хотим направить вместе с нашими партнерами, в частности по Международному партнерству по борьбе с безнаказанностью за применение химического оружия. В связи с этим в заключение позвольте мне задать Генеральному директору вопрос о том, каким образом осуществляется обмен информацией и сотрудничество с Международным беспристрастным и независимым механизмом Организации Объединенных Наций.

Председатель (*говорит по-английски*): Сейчас я сделаю заявление в своем качестве представителя Эстонии.

Я благодарю Высокого представителя Идзуми Накамицу и Генерального директора Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) г-на Фернандо Ариаса за их сообщения. Мы ценим их участие в сегодняшнем заседании и возможность провести с ними транспарентное и открытое обсуждение вопроса о прогрессе в ликвидации сирийской программы химического оружия.

Последний — девяносто второй — ежемесячный доклад Генерального директора (см. S/2021/446) поднимает ряд вызывающих обеспокоенность вопросов, поскольку свидетельствует о весьма незначительном прогрессе, если не сказать откате назад, в усилиях по устранению пробелов, несоответствий и расхождений в первоначальном объявлении. Остаются нерешенными вопросы, касающиеся бывшего объекта по производству химического оружия. Возник также еще один вопрос в отношении обнаружения чистого боевого отравляющего вещества, который также остается неурегулированным. До сих пор не были представлены убедительные разъяснения в связи с обнаружением химического вещества, включенного в Список 2.В.04, на объекте «Барза».

Это не просто незначительные вопросы технического или теоретического характера, а подтверждение того, что Сирия не объявила и не уничтожила все свое химическое оружие и объекты по его про-

изводству и продолжает представлять угрозу международному миру и безопасности. Недавним напоминанием об этом послужил второй доклад Группы по расследованию и идентификации, в котором был подтвержден уже восьмой случай применения химического оружия сирийским режимом.

Ни для кого не секрет, что в сотрудничестве Сирии с ОЗХО имеются серьезные проблемы. К сожалению, развертывание Группы по оценке объявлений для проведения следующего раунда консультаций было приостановлено ввиду ожидания ответа Сирии. Учитывая серьезный характер нерешенных вопросов, мы надеемся, что консультации между ОЗХО и Сирией могут состояться в ближайшее время.

Нельзя забывать о том, что химическое оружие — это особенно жестокое и неизбирательное средство ведения войны. Именно поэтому его применение было запрещено Конвенцией о химическом оружии в любых обстоятельствах. И именно поэтому Совет Безопасности в резолюции 2118 (2013) постановил, что применение химического оружия где бы то ни было и кем бы то ни было представляет собой угрозу международному миру и безопасности и заявил о своей твердой убежденности в том, что лица, виновные в применении химического оружия, должны быть привлечены к ответственности. Заявления Совета должны найти прямое продолжение в его действиях. Нельзя допускать безнаказанность, попустительство и бездействие, когда химическое оружие применяется против гражданского населения.

В заключение я хотел бы заявить, что Эстония полностью поддерживает профессиональную и беспристрастную работу Технического секретариата ОЗХО, а также его руководство и экспертов. На протяжении последних семи лет их деятельность являлась объектом пристального внимания, однако мы лишь смогли убедиться в их добросовестности и преданности делу укрепления нормы, запрещающей применение химического оружия.

Пользуясь случаем, я также хочу задать несколько вопросов г-ну Ариасу.

Некоторые наши коллеги уже поднимали вопрос о сотрудничестве. Дело в том, что спустя семь лет вопрос о представленном Сирией объявлении остается открытым. Мой вопрос заключается в

следующем: в чем состоят основные препятствия для достижения ощутимого прогресса в урегулировании нерешенных вопросов, связанных с этим объявлением?

Мой второй вопрос касается обвинений и сообщений о применении террористами химического оружия в Сирии. Не мог бы г-н Ариас рассказать нам о том, как эти уведомления рассматриваются ОЗХО и с какими результатами?

Сейчас я возвращаюсь к исполнению своих функций Председателя Совета.

Теперь я предоставлю слово докладчикам для ответа на вопросы и замечания, напоминая, что у них также будет возможность сделать дополнительные комментарии в ходе консультаций, которые состоятся после этого заседания.

Я предоставляю слово г-же Накамицу.

Г-жа Накамицу (*говорит по-английски*): Насколько я понимаю, вопросов ко мне не было.

Г-н Председатель (*говорит по-английски*): Сейчас я предоставляю слово г-ну Ариасу для ответа на замечания и заданные вопросы.

Г-н Ариас (*говорит по-английски*): Я благодарю Вас, г-н Председатель, за Ваши добрые слова поддержки и за предложение выступить перед членами Совета Безопасности. На этом заседании Совет Безопасности согласился получить информацию и ответить на мои вопросы в открытом формате. Я сообщил Вам, г-н Председатель, об этом в ходе нашего самого первого телефонного звонка, подчеркнув, что российская делегация в декабре настаивала на том, что она хочет провести открытое заседание, включающее в себя брифинг, заявления и сессию вопросов и ответов в открытом формате. Я очень рад, что Совет Безопасности принял этот формат по декабрьскому предложению Российской Федерации.

Некоторые из моих ответов будут относиться сразу к нескольким вопросам, поскольку некоторые из них очень схожи между собой.

Я начну с вопросов Постоянного представителя Российской Федерации, который сказал, что, возможно, он задает неудобные вопросы. Должен сказать, что я совсем не считаю их неудобными. Я привык отвечать на вопросы моего коллеги, посла

Шульгина, в Гааге. У нас очень хорошие, близкие и дружеские отношения. Я отвечаю на все вопросы, которые он задает. Иногда на эти вопросы непросто ответить, но я привык к этому и не имею никаких возражений.

Российскому послу не стоит беспокоиться: мы являемся надежным гарантом Конвенции по химическому оружию и режима нераспространения. Мы делаем все, что в наших силах. Я постараюсь предоставить ему как можно больше информации в своем ответе.

Замечание общего порядка: мне было приятно отметить, что члены Совета Безопасности в целом поддерживают осуществление Конвенции. Я весьма признателен за это, и я признателен за замечания, высказанные в поддержку работы Технического секретариата Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО).

Давайте начнем с Думы, поскольку она часто упоминалась в ходе этого заседания. Давайте в нескольких предложениях освежим в нашей памяти связанные с этим события. Седьмого апреля 2018 года появились сообщения, в которых утверждалось о применении химического оружия в Думе. Двенадцатого апреля 2018 года была развернута Миссия ОЗХО по установлению фактов в Сирии. Миссия по установлению фактов была направлена в Бейрут всего через пять дней, поскольку в течение трех дней ей по вполне обоснованным причинам не разрешали отправиться в Дамаск. Пятнадцатого апреля, ровно через восемь дней после развертывания, сотрудники Миссии по установлению фактов прибыли в Дамаск. Шестого июля 2018 года Миссия по установлению фактов смогла подготовить промежуточный доклад.

Этот промежуточный доклад был подготовлен на основе анализа ряда проб, которые были отправлены в назначенные лаборатории. Тогда же был представлен промежуточный доклад, а окончательный доклад был подготовлен к тому времени, когда я стал Генеральным директором организации в марте 2019 года. Назначенные лаборатории, как известно членам Совета, — это полностью независимые лаборатории. Они сотрудничают с организацией, работают совершенно независимо и придерживаются высочайших профессиональных стандартов. Все назначенные лаборатории согласились с тем, что в пробах были обнаружены хлорированные органи-

ческие химические вещества: в докладе говорится о «молекулярном хлоре», химически активном хлоре. Речь идет не о двух-трех пробах; было взято и проанализировано более 100 проб. Большинство проб было проанализировано после лета 2018 года, когда два инспектора, о которых уже упоминалось, не принимали никакого участия в выполнении задач Миссии по установлению фактов.

Некоторые утверждают, что доклад Миссии по установлению фактов имеет какое-то отношение к установлению виновных. У Миссии по установлению фактов есть четкий мандат. Он заключается в установлении фактов, связанных с обстоятельствами нападения с применением химического оружия, а не с происхождением исполнителей или лиц, которые могут быть к нему причастны. Ее мандат касается только химического оружия, используемого при нападении. Именно это и является предметом доклада Миссии по установлению фактов.

В ходе этого заседания упоминались два бывших инспектора, которые выступают с заявлениями относительно происхождения отравляющих веществ, которые могут быть связаны с теми, кто несет ответственность за совершение этих нападений. ОЗХО проводит абсолютно независимое расследование, и эти инспекторы принимали участие в инспекции, проводимой сотрудниками Миссии по установлению фактов.

Инспектор А никогда не входил в группу сотрудников Миссии по установлению фактов, которая была направлена в Думу. У нас есть постоянный офис в Дамаске, который называется «командный пункт», где на основе принципа ротации всегда работает один инспектор. Эти инспекторы, которые находятся там по несколько месяцев, отвечают за общую поддержку различных миссий, которые мы проводим в Сирии. Инспектора А, который утверждает, что много знает о нападении в Думе, в соответствии с обычной процедурой попросили оказать содействие в выполнении задач Миссии по установлению фактов, поскольку в момент развертывания он был в командном пункте. У него не было доступа ко всей информации. Он прекратил исполнять свои обязанности летом в июле 2018 года, когда вернулся с задания на командном пункте в Дамаске и ему было поручено подготовить описание двух баллонов, которые были проанализированы в Думе. Он без разрешения связался с рядом компаний и профес-

сорами одного из университетов, после чего подготовил отчет, который некоторые средства массовой информации назвали «техническим отчетом». На самом деле это — всего лишь личный доклад инспектора А, подготовленный на частной основе. Он не был санкционирован, в нем была использована неполная информация, он был составлен после незаконного предоставления в высшей степени конфиденциальной информации лицам, которые не являются сотрудниками организации и не имели никакого отношения к Миссии по установлению фактов. Инспектор А прекратил оказывать Миссии по установлению фактов поддержку — просто поддержку — более чем за шесть месяцев до опубликования мною окончательного доклада 1 марта 2019 года.

Инспектор Б, упомянутый здесь сегодня, после многих лет работы в Организации был впервые назначен членом Миссии по установлению фактов в апреле 2018 года. Он не мог быть командирован в Думу, поскольку не прошел специальную подготовку. Он участвовал в составлении промежуточного доклада Миссии по установлению фактов, касающегося инцидента в Думе. Он письменно подтвердил — и у меня есть этот документ — старшему руководству Организации в то время, когда я еще в ней не работал, что он согласен с выводами промежуточного доклада. Инспектор Б покинул Организацию в августе 2018 года, а если быть точным, он покинул ее в начале августа: сначала он был в отпуске, а в оставшуюся часть месяца не занимался вопросами, касавшимися Миссии по установлению фактов.

После ухода из Организации инспектора Б Миссия по установлению фактов продолжала свою деятельность на протяжении более полугода, и основная часть результатов расследования была получена группой в этот период. Например, из более чем 100 образцов более 70 результатов были получены в течение последних шести месяцев расследования.

Выводы отчетов, подготовленных лично инспектором Б, конечно же, ошибочны и необоснованны. Поскольку по инциденту в Думе распространяется много ошибочной информации, то, когда имеется такая возможность, я привожу цитаты из доклада Международной независимой комиссии по расследованию, так называемого доклада Пиньейру, представленного Генеральной Ассамблеей в ав-

густе 2018 года, то есть примерно за семь месяцев до того, как 1 марта 2019 года мне был представлен доклад по инциденту в Думе. В докладе Пиньейру, главы Комиссии, есть пункт, в котором нападение в Думе описывается следующим образом:

«В течение дня 7 апреля в Думе были нанесены многочисленные авиаудары по различным жилым районам. Большой объем собранных Комиссией данных свидетельствует о том, что приблизительно в 19 ч 30 мин с вертолета на многоэтажное жилое здание приблизительно в 100 м к юго-западу от площади Шохада был сброшен газовый баллон с хлором. По информации Комиссии, в результате этого погибли по меньшей мере 49 человек и еще около 650 человек получили ранения» (A/HRC/39/65, пункт 92).

В этом докладе говорится о вертолетах, баллонах, хлоре, гибели многих людей и разрушении жилых домов гораздо больше, чем в докладе, который мы подготовили почти семь месяцев спустя по результатам расследования Миссии по установлению фактов. В нашем докладе содержится больше подробностей, но в нем также больше внимания уделяется мандату Миссии по установлению фактов, который касается только определения вида химического вещества, использованного при нападении.

Доклад по инциденту в Думе основан на стандартных достаточных основаниях, позволяющих установить, какое токсичное химическое оружие было использовано, а использованное токсичное химическое вещество содержало химически активный хлор. Исполнительный совет обсудил этот доклад на сессии, и никто его не оспорил.

Ранее на этом заседании Постоянный представитель Российской Федерации заявил, что есть некоторые сомнения в моих словах. Передо мной вербальная нота № 759 посольства России в Гааге от 26 апреля 2019 года, к которой прилагается документ Российской Федерации, содержащий комментарии к выводам доклада Миссии по установлению фактов в Думе. В этой вербальной ноте содержится требование ко мне распространить прилагаемый документ. В качестве вывода в нем говорилось, что Российская Федерация не оспаривает выводы, содержащиеся в докладе Миссии по установлению фактов, относительно возможного присутствия мо-

лекулярного хлора в баллонах и т.д. С этим текстом можно ознакомиться на сайте Организации.

Два инспектора, которые были обвинены или подверглись давлению, открыто нарушили свои обязательства перед Организацией. Именно поэтому мы организовали внутреннее расследование, по результатам которого был составлен доклад, который имеется у всех членов Совета.

Что касается возобновления рассмотрения дела и предложения организовать встречу с участием всех инспекторов и Научно-консультативного совета, то я должен сказать, что вопрос, касающийся доклада Миссии по установлению фактов по инциденту в Думе, находится в ведении Исполнительного совета и Конференции. Генеральный директор не имеет никаких полномочий возобновлять это расследование, которое завершилось и о результатах которого было доложено Исполнительному совету, а через него — Конференции. Этот вопрос находится в ведении директивных органов, а не Генерального директора. Исполнительный совет уже занимался этим вопросом в марте 2019 года.

Позвольте разъяснить ситуацию в связи с Научно-консультативным советом и возможностью проведения встречи. Это означает, что возобновление расследования или организация каких-либо действий, связанных с пересмотром выводов Миссии по установлению фактов в связи с нападением в Думе, потребует решения директивных органов ОЗХО.

Что касается Научно-консультативного совета, то в последнее время я получил много вопросов, особенно от одной страны, о том, почему Научно-консультативный совет не проводит встречу с двумя упомянутыми выше инспекторами. В 2004 году Конференция государств-участников поручила Генеральному директору создать орган под названием Научно-консультативный совет. Цель Научно-консультативного совета, как закреплено в его круге ведения, заключается в том, чтобы дать Генеральному директору возможность предоставлять специализированные консультации по очень сложным или запутанным вопросам и проблемам, связанным с химическими веществами и химическим оружием, что означает следующее: Научно-консультативный совет не занимается оценкой выводов Миссии по установлению фактов. Миссии по установлению фактов поручено провести расследование и впо-

следствии подготовить доклад, который я просто подписываю; я не имею к нему прямого отношения. Он представляется непосредственно директивным органам, в данном случае — Исполнительному совету. Это означает, что Научно-консультативный совет не имеет полномочий проводить повторную оценку результатов расследования Миссии по установлению фактов или оценивать любое мнение инспекторов в их личном качестве.

Я также понимаю, что некоторые из присутствующих в зале Совета заинтересованы в работе Группы по оценке объявлений. И снова был поднят очень четкий вопрос: почему в отношении ни одного из наших 193 государств-участников не вводился такой строгий режим проверки, как в отношении Сирии? Ответ ясен, и его дал не я; его дает пункт 8 статьи IV Конвенции по химическому оружию, в частности принципы присоединения к ней государства, обладающего таким оружием. Речь идет об условиях, регулирующих присоединение государства, обладающего химическим оружием, к Конвенции спустя более 10 лет после ее вступления в силу в 1997 году. Говоря более точно, после 29 апреля 2007 года любое государство, обладавшее химическим оружием, должно после присоединения уничтожить имеющееся у него химическое оружие в соответствии с порядком уничтожения и процедурой проверки, установленными Исполнительным советом ОЗХО. Это означает, что именно Исполнительный совет организации определил порядок уничтожения и процедуры проверки химического оружия в Сирии, указанного в объявлении.

Это решение Исполнительного совета было принято 27 сентября 2013 года и одобрено в резолюции 2118 (2013), принятой, как мне кажется, в тот же день или, возможно, несколькими днями позже. Что произошло после присоединения Сирии к организации? Несколько государств-участников начали выражать обеспокоенность по поводу точности и полноты первоначального объявления Сирии. Именно поэтому мой предшественник, следуя обычной правовой процедуре, создал в апреле 2014 года Группу по оценке объявлений (ГОО).

В чем заключалась цель создания ГОО? ГОО не является следственным органом. Она отвечает за проверку точности и полноты первоначального объявления Сирийской Арабской Республики посредством технических консультаций, обзоров на

высоком уровне, посещения объектов, взятия образцов, проведения анализа и интервью, которые должны осуществляться в тесном сотрудничестве с властями Сирийской Арабской Республики.

После более чем семи лет совместной работы ГОО все еще не удалось представить мне документ о том, что первоначальное объявление Сирийской Арабской Республики является точным и полным.

Стало известно о новых элементах, которые Сирийская Арабская Республика первоначально не указала в своем объявлении и о которых она не сообщила. Я упомяну несколько из них. Речь идет об одном объекте по производству химического оружия, четырех научно-исследовательских центрах, пяти боевых отравляющих веществах и тысячах крупнокалиберных химических боеприпасов. Мы работаем с Сирийской Арабской Республикой по линии ГОО уже несколько лет и провели 24 раунда консультаций. В первоначальное объявление 17 раз вносились изменения, каждый раз ввиду предложений, выдвигавшихся ГОО на основе получаемой информации. На сегодняшний день 20 вопросов по-прежнему остаются нерешенными. Их количество имеет значение, но также имеет значение и их суть. Почему? Потому что сообщалось, что сотни тонн боевых отравляющих веществ и боеприпасов были уничтожены или израсходованы до присоединения к Конвенции, но у нас нет возможности убедиться в том, что это действительно произошло.

Во-вторых, в пробах, полученных ГОО, были обнаружены три боевых отравляющих вещества. Это еще один нерешенный вопрос, который не прояснен.

В-третьих, указанная в объявлении информация о деятельности сирийского Центра научных изысканий и исследований является неточной и неполной. Как всем известно, Центр является местом, где проводились все программы исследований и разработок в сфере химического оружия.

В-четвертых, нет ясности в отношении количества химических боевых отравляющих веществ. Нет ясности и в отношении того, использовался ли обнаруженный объект по производству химического оружия для производства химических веществ и их применения в военных целях. Мы даже обнаружили образцы, свидетельствующие о том, что производство велось на бывшем объекте по хране-

нию химического оружия, о котором упоминается в первоначальном объявлении. О чем в нем не упоминается, так это о производстве химического оружия на этом объекте.

Я могу предоставить дополнительную информацию по двум последним нерешенным вопросам: один из них возник после двадцать третьего раунда консультаций ГОО в Сирии в сентябре 2020 года. Сотрудники ГОО отправились на место для проведения анализа больших контейнеров для хранения, которые, согласно объявлению, были указаны как место хранения химического оружия. Мы взяли пробы; был проведен анализ проб, и разъяснения, разумеется, все еще не представлены. Именно поэтому мы отнесли этот вопрос к числу нерешенных. Одно из химических веществ, обнаруженных в этих контейнерах, является боевым отравляющим веществом; о нем не упоминалось в объявлении, поэтому мы обозначили его как новый нерешенный вопрос.

Мы обратились к Сирийской Арабской Республике с просьбой прокомментировать, что упомянул Совет. Что мы можем сделать? Мы попросили Сирийскую Арабскую Республику предоставить документы и организовать дополнительные встречи с нами для посещения двух объектов. У нас больше не было возможности посетить страну в связи с тем, что не были выданы визы. Более того, я опасаясь, что мы не сможем поехать туда, пока не закончится лето. Членам Совета хорошо известно о том, что летом на объектах становится очень жарко и мы не можем начать работу, поскольку инспекторам и экспертам необходимо работать в очень тяжелых защитных костюмах и переносить очень тяжелое оборудование, так что работать летом действительно невозможно. Перенос сроков развертывания ГОО, как я уже упомянул в своем вступительном слове, может означать, что ГОО не сможет отправиться в Сирийскую Арабскую Республику до конца лета.

Что касается двух объектов, в отношении которых проводится проверка в связи с работой Центра научных изысканий и исследований — «Барза» и «Джамрайя», — то мы проводим на них инспекцию; мы несем ответственность за проведение проверки с целью удостовериться, что там не проводятся исследования, разработка, производство или накопление химического оружия. Во время третьего раунда инспекций, состоявшегося в ноябре 2018 года, со-

трудники ГОО обнаружили химикат Списка 2.В.04, который представляет собой химикат Списка 1 после деградации. Упомянутый химикат Списка 1 указан в Приложении по химикатам к Конвенции, которое имеет такое же значение, как и договор. Это список самых опасных химикатов, которые существуют и могут быть использованы только в военных целях. Сирийская Арабская Республика пока не представила разъяснения.

Теперь я перехожу к методам работы Миссии по установлению фактов. Как известно Совету, Миссия по установлению фактов была создана в 2014 году, и, подчеркну, она занимается установлением фактов, связанных с утверждениями о применении химического оружия. Ее деятельность не имеет никакого отношения к установлению тех, кто несет ответственность за применение химического оружия, речь идет исключительно о фактах. Это означает, что Миссия по установлению фактов несет ответственность за установление того, было ли химическое вещество использовано в качестве химического оружия или нет. Она использует стандартную методологию. Миссия по установлению фактов является молодым органом, поскольку она была создана только в 2014 году. Комиссии по расследованию действуют уже давно, и в их работе применяется стандартная методология. Факты, о которых сообщила Миссия по установлению фактов, были установлены с использованием данной методологии. Мы хотели бы отдельно подчеркнуть: доклады должны быть подробными, чтобы все государства-члены были осведомлены о процессе, на основе которого были сделаны соответствующие выводы.

Конечно, иногда попасть на места сложно. В таких случаях наш подход заключается в том, чтобы проанализировать все возможные аспекты на основе информации, предоставленной свидетелями и медицинскими работниками, а также документов всех видов: спутниковых снимков, результатов судебно-медицинской экспертизы, металлургических данных, военно-инженерных материалов, фотографий и видео. Другими словами, мы используем комплексный подход и делаем выводы тогда, когда различные миссии и группы сходятся в том, что вся информация свидетельствует о наличии единой причины и что материалы один за другим формируют целостную картину. Именно такая система нам и нужна.

Иногда нас спрашивают, почему мы не предоставляем больше информации о консультантах, медицинских работниках, больницах и назначенных лабораториях, которые мы задействуем. Я в такие подробности не вдаюсь, потому что не могу. Это было бы нецелесообразно, потому что свидетелей нужно защищать. Ситуация аналогична и в других местах. Полиция и судьи должны защищать свидетелей. Мы тоже должны защищать свои источники. Поэтому названия назначенных лабораторий не доступны широкой общественности. Имена свидетелей не доступны широкой общественности. Имена консультантов, которых мы задействуем, не доступны широкой общественности. Мы не можем сделать эту информацию общедоступной, потому что хотим обеспечить их защиту и независимость, то есть невмешательство в их работу.

Каждый доклад миссии по установлению фактов содержит подробную информацию: собранные факты, результаты проведенного анализа и применяемая методология. Все это отвечает давно существующим международным стандартам, которые не мы разрабатывали. В наших выводах мы не упускаем ничего. Информация о процессах, которыми руководит Технический секретариат, неоднократно предоставлялась Совету Безопасности и Исполнительному совету ОЗХО.

Совет Безопасности, Конференция государств-участников и Исполнительный совет ОЗХО принимают резолюции и решения во многих случаях на основе результатов работы Технического секретариата. Я понимаю, что мои ответы удовлетворяют не всех, в частности одного посла. Мне очень жаль, но всем не угодишь. Ничто не может изменить реальные факты; я не могу переиначить истину.

В связи с настойчивым требованием обнародовать информацию, касающуюся нанятых нами групп экспертов, я должен сказать, что на мне лежит действительно большая ответственность. Генеральный директор ОЗХО несет главную ответственность за защиту информации в организации и должен на свое усмотрение принимать решение, раскрывать ли ту или иную информацию, исходя из необходимости обеспечивать выполнение Конвенции по химическому оружию. Кроме того, часть информации защищена автоматически и является конфиденциальной, например в том случае, когда она принадлежит государству, которое предостав-

ляет ее, или когда затрагивает определенное государство. Без разрешения этого государства-члена мы такую информацию обнародовать не можем.

Таковы правила, и не я их придумал. В основе этих правил, касающихся защиты информации, лежат документ о политике в вопросах конфиденциальности, принятый в феврале 2006 года Конференцией государств-участников Конвенции по химическому оружию, а также приложение о конфиденциальности к Конвенции по химическому оружию. Приложения к Конвенции имеют такое же значение, как и сама Конвенция. Поэтому содержащиеся в них требования очень серьезны, и я должен их соблюдать.

Знаю, что большинству интересны мои комментарии относительно второго доклада Группы по расследованию и идентификации (ГРИ). Если у меня останется время, я прокомментирую этот вопрос, но начать хочу с первого доклада. Миссия по установлению фактов готовит доклады, а ГРИ эти доклады использует, но также проводит расследования, задействуя дополнительные источники информации.

Во втором докладе ГРИ, охватывающем период с апреля 2020 года по апрель 2021 года и касающемся нападения в Саракибе, был сделан вывод, что 4 февраля 2018 года, примерно в 21:22, военный вертолет, принадлежащий ВВС Сирии и контролируемый «Силами тигра», сбросил по меньшей мере один баллон с хлором — токсичным газом, в результате чего пострадали 12 человек. Высвободившийся хлор не является химикатом, который продается в магазинах и используется для уборки в доме. Это особый хлор.

В ходе своего расследования ГРИ опиралась на информацию, представленную во втором докладе государствами-участниками, которые поделились с нами большим количеством таких важных и необходимых данных, хотя в первом докладе содержится схожая информация. Мы провели также множество опросов, анализ образцов, анализ останков на местах, анализ моделей дисперсии стекла, судебно-медицинскую экспертизу и топографические исследования. Возможно, я что-то упустил, но все вместе это составляет 400 гигабайтов информации, которая подлежит комплексной оценке крайне компетентной командой при поддержке специализированной группы, состоящей, конечно, и из других

представителей Технического секретариата. Такие методы являются отражением передового опыта международных миссий по установлению фактов.

Проанализированы направления работы следствия, предложенные Сирийской Арабской Республикой по этому делу, но никакой конкретной подтверждающей их информации найдено не было. Я настаивал на том, чтобы ГРИ прорабатывала направления, используя различную информацию. Вся собранная информация сочетается и согласуется, равно как и подтверждения, полученные из различных источников, что позволяет нам прийти к выводам.

Проблема для ГРИ заключается не в недостатке информации; информации у нас много. Настоящая проблема заключается в невозможности доступа на территорию Сирийской Арабской Республики, поскольку ее власти не пустили ГРИ в страну, несмотря на мои просьбы и обязательства Сирийской Арабской Республики в соответствии со статьей VIII Конвенции по химическому оружию и резолюцией 2118 (2013), в которой содержится призыв к обеспечению незамедлительного и неограниченного доступа на территорию Сирии.

Я хотел бы также заявить о своей последовательной позиции, согласно которой делать выводы можно при наличии «достаточных оснований полагать». Это стандартный подход, и не я его придумал. Так принято, и этот юридический термин хорошо всем известен. Он означает, что имеются весьма веские основания для вывода о том, что химическое оружие было применено.

Теперь, что касается комментариев в отношении подкаста Би-би-си, который был выпущен в ноябре 2020 года и в котором некто по имени Леон давал интервью. В переводе с испанского «*león*» означает «лев».

Техническому секретариату ОЗХО неизвестно, кто этот человек, и конечно, он не уполномочивал никого из своих сотрудников участвовать в этой программе Би-би-си. Если личность этого человека будет установлена, я, естественно, начну расследование по факту возможного нарушения правил конфиденциальности. На данный момент мы начали внутреннее расследование.

Позвольте мне теперь коснуться прогресса в процессе сотрудничества с Сирией — вопроса, под-

нивавшегося несколькими членами Совета. Косвенно я уже ответил на этот вопрос, говоря об отсутствии виз и доступа на сирийскую территорию, но должен заметить, что Генеральный директор нередко оказывается в крайне затруднительном положении. Отвечая на вопрос о сотрудничестве с Сирийской Арабской Республикой, скажу, что правила и решения должны выполняться всеми государствами-участниками, а в случае их невыполнения следует принимать меры. Моя задача состоит в том, чтобы обеспечивать осуществление Конвенции и наиболее эффективное руководство Техническим секретариатом.

Генеральный директор не является судьей. Не мне судить государства-члены. Не мне судить о работе Исполнительного совета или Конференции. Именно государства-члены должны сформировать свое мнение о ситуации и, если сочтут нужным, принять меры.

Позвольте мне также упомянуть о проблеме, не столь очевидной на фоне множества в целом весьма положительных отзывов. Я искренне благодарю членов Совета за эти отзывы. Я вижу, что существует общая поддержка осуществления Конвенции и работы Технического секретариата. Тем не менее есть и те, кто выступает с критикой, например, в отношении мандата Группы по расследованию и идентификации (ГРИ). Мандат ГРИ признается не всеми государствами-членами, хотя не признающих его крайне мало.

Привлечение к ответственности виновных в применении химического оружия — это принцип, содержащийся в резолюциях Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи и Совета по правам человека, во многих решениях Конференции государств-участников, а также в бесчисленных национальных заявлениях, сделанных в Организации Объединенных Наций, ОЗХО и других органах.

Я хочу очень четко заявить следующее: если бы я запросил печатные копии всех заявлений государств-членов Организации Объединенных Наций или государств-членов ОЗХО о необходимости привлечения к ответственности виновных, от этих документов в моем кабинете не осталось бы свободного места. Это декларация запрета основана на универсальной неоспоримой доктрине международного права и непреложных нормах обычного международного права, потому что в случае приме-

нения химического оружия речь может идти о военном преступлении, даже о преступлении против человечности.

Разумеется, этот принцип установлен не Техническим секретариатом ОЗХО. Технический секретариат отвечает за выполнение решений государств-участников и членов Совета на основе норм международного права. И в резолюции 2118 (2013) четко указано, что лица, виновные в применении химического оружия, должны быть привлечены к ответственности.

Первая масштабная атака с применением химического оружия произошла 21 апреля 1915 года. Это была страшная картина. Все произошло на юго-западе Бельгии, в небольшой деревушке под названием Ипр. Сто лет спустя, 21 апреля 2015 года, весь день проводились мероприятия, посвященные столетней годовщине произошедшей в Ипре атаки. Я был в числе приглашенных, потому что я уже занимался вопросами химического оружия, и я принял в них участие.

Все государства-члены — все без исключения — подписались под декларацией, в которой они самым решительным образом вновь осудили применение химического оружия. Они также выразили свою твердую убежденность в том, что лица, виновные в применении химического оружия, должны быть привлечены к ответственности.

Тогда все согласились с этой декларацией. Но теперь некоторые государства-члены выступают против расследования и установления происхождения этого химического оружия, а следовательно, и возложения ответственности за его применение; этим странам неудобна позиция Технического секретариата ОЗХО. Возможно, некоторых членов Совета не слишком устраивает подход Технического секретариата, но мы выполняем решения и резолюции Совета, которые в основном преследуют те же цели, что и мы.

Решения Исполнительного совета и Конференции также согласуются с неоспоримой доктриной универсального международного права, о которой я уже говорил, и с резолюцией 2118 (2013). Технический секретариат ОЗХО подвергается критике в связи с выполнением им решения Конференции государств-участников от 27 июня 2018 года, учредившей ГРИ для проведения расследования и установ-

ления личности виновных в применении химического оружия в Сирии.

У нас нет другого пути, и мы должны это понимать. Моя юридическая обязанность — выполнять решения государств-членов, и все мы в Техническом секретариате работаем, посвящая себя делу, скромно и профессионально, потому что чувствуем моральную, профессиональную и, прежде всего, юридическую ответственность за это.

Не так давно в Совете Безопасности по случаю десятой годовщины начала войны г-н Гейр Педерсен сказал:

«Сирийская трагедия станет одной из самых мрачных глав в новейшей истории, а сирийский народ — одной из главных жертв этого столетия ... [П]еред лицом невообразимого насилия и унижений ... [о]ни переживали невыразимые ужасы атак с применением химического оружия» (*S/2021/265, приложение I*).

Эти слова прозвучали в Совете Безопасности 15 марта 2021 года. Как я уже говорил, не мне судить. Я не должен осуждать решения, принимаемые государствами-членами или задачи, которые они ставят, но, размышляя на тему ограниченности системы, я прихожу к выводу, что мне сложно ее понять.

В заключение в связи с недавней и, надо сказать, несправедливой критикой в адрес Технического секретариата ОЗХО хочу указать на то, что в апреле 2020 года на своей двадцать пятой сессии Конференция государств-участников Конвенции по химическому оружию в своем решении «Меры в отношении владения химическим оружием и его применения Сирийской Арабской Республикой» выразила Генеральному директору и Техническому секретариату ОЗХО полную поддержку и признательность в связи с их профессиональной, беспристрастной и независимой работой.

Кроме того, в июле прошлого года в двадцать первом пункте преамбулы решения S-25/DEC.9, озаглавленного «Меры в отношении владения химическим оружием и его применения Сирийской Арабской Республикой», Исполнительный совет заявил:

«выражая полную поддержку и признательность в связи с профессиональной, беспри-

страстной и независимой работой Генерального директора и Секретариата».

В последние годы мы стали свидетелями новых случаев применения химического оружия в нескольких местах. Технический секретариат реагирует на эти новые вызовы решительно, самоотверженно и независимо, применяя накопленный опыт и экспертные знания и демонстрируя свое стремление служить государствам-членам и международному сообществу.

С тех пор как я приступил к исполнению своих обязанностей в ОЗХО в конце июля 2018 года, я не раз убеждался в самоотверженности, добропорядочности и профессионализме сотрудников нашей организации, которые оказывают мне невероятную поддержку и демонстрируют в своей работе высокое профессиональное мастерство. Однако, разумеется, я хотел бы со всей ясностью заявить, что в случае, если кто-то из сотрудников нарушит действующие правила, яотреагирую и приму необходимые меры.

Отвечу также на вопрос, касающийся материалов, представленных сирийскими властями. Мы получили большое количество материалов. Сирийские власти представили нам большой объем информации. Однако я хотел бы для членов Совета уточнить, сколько именно материалов мы получили. Что касается предоставленной Сирией информации, то за последние пять лет мы получили — и я думаю, что высокие представители получили такой же или сопоставимый объем материалов — 197 вербальных нот от Постоянного представительства Сирии в Гааге, касающихся предполагаемой деятельности, связанной с хранением, перемещением, намерением применения или инсценировки применения химического оружия, при этом не было представлено каких-либо поясняющих или подтверждающих документов, в отношении которых могла быть проведена независимая проверка. Могу заверить членов Совета в том, что Технический секретариат тщательно изучает и анализирует все материалы, которые мы получили от Сирийской Арабской Республики через Постоянное представительство Сирии здесь, в Гааге. Однако пока нам не удалось связать эту информацию с реальными случаями применения химического оружия или с каким-либо из проводимых нами расследований.

Что касается обвинения в применении такого оружия террористами в Сирии, то я упомянул об этом в своем вступительном заявлении. Одно из моих главных опасений заключается в том, что это может быть на руку террористам, которые с помощью очень небольшого количества крайне опасных веществ могут причинить колоссальный вред. Мы прилагаем усилия для проведения необходимых расследований, обеспечения сохранности полученной информации и разработки инструментов для борьбы с этой угрозой, оказывая при этом содействие государствам-членам и обеспечивая их защиту.

Химико-технологический центр, который вы здесь видите, станет прекрасным инструментом для проведения исследований и расследований и международного сотрудничества, в котором крайне нуждается подавляющее большинство государств-членов, а также для обучения, обмена экспертными знаниями и опытом и получения необходимых навыков. Все сотрудники Технического секретариата прилагают неустанные усилия для успешной реализации этого проекта. Наша организация пользуется доверием государств-членов, и об этом свидетельствует тот факт, что даже несмотря на то, что в нашем бюджете предусмотрен нулевой номинальный рост, примерно за последние 18 месяцев мы получили добровольные взносы на сумму более 34 млн евро на строительство Центра. Стремясь оправдать это доверие и взаимопонимание, мы демонстрируем конкретные результаты. Могу сказать, что работа ведется в соответствии с графиком и в рамках бюджета, предусмотренного на строительство Центра. Мы не отстаем от графика. Строительство начнется в этом месяце, в июне. Для строительства Центра была привлечена одна из лучших компаний в Нидерландах. Если все будет развиваться по намеченному сценарию, то благодаря усилиям Совета нашей организации под председательством заместителя Генерального директора и наших экспертов под моим руководством государства-члены получат превосходный инструмент для осуществления различных видов деятельности в рамках разрабатываемых нами программ.

Мне кажется, что я ответил на заданные вопросы. Мне остается лишь вновь поблагодарить Вас, г-н Председатель, за Ваше приглашение и теплые слова.

Председатель (*говорит по-английски*): Я благодарю г-на Ариаса за представленные им разъяснения.

Представитель Российской Федерации попросил слова для дополнительного заявления.

Г-н Небензя (Российская Федерация) (*говорит по-английски*): Я перейду на английский язык, для того чтобы мое выступление было максимально ясным и понятным. С удовлетворением отмечаем состоявшийся диалог с Генеральным директором. Как представляется, Генеральный директор был не только готов к диалогу, но и заранее подготовил свое выступление.

Сегодня некоторые коллеги говорили о том, как важно отличать «факты от шума», о том, что есть утверждения и обвинения, которые на фактах не основаны. На это могу ответить, что, к сожалению, целый ряд коллег как раз отворачивается от фактов, подменяя их удобными для себя выводами. Складывается впечатление, что, когда мы говорим и приводим научные факты, ваш слух попросту отключается. Вы нас не слышите.

Генеральный директор Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) сегодня сказал, что у Организации нет иной альтернативы, кроме как «расследовать» и, как он потом добавил, «идентифицировать». Второе и комментировать не буду, а вот насчет первого могу смело сказать, что мы тоже хотим расследования — в рамках таких существующих механизмов, как миссия ОЗХО по установлению фактов в Сирии. Только проблема в том, что методы, которые использует ОЗХО, мы не приемлем, так как они противоречат Конвенции о запрещении химического оружия.

Г-н Ариас сегодня говорил очень много. Сказать по правде, мы не услышали от него ничего такого, чего бы он не говорил раньше. Из его уст звучала та же риторика, к которой в последнее время прибегает Технический секретариат. Прозвучали все те же заявления, что все упомянутые инспекторы, в частности инспектор А, никоим образом не были вовлечены в расследование инцидента в Думе. Однако это противоречит фактам и документам, которые мы приводили. Этот инспектор выступал перед Советом как минимум дважды: в ходе наших встреч по формуле Аррии в январе и апреле. Не думаю, что кто-то из тех, кто слышал его высту-

пление, — а он был весьма сдержан в комментариях — позволил себе усомниться в его честности, в озвученных фактах или информации о себе и своей роли в ОЗХО, которой он поделился.

И хотя Генеральный директор говорил довольно долго, многие вопросы так и остались без ответа. Однако мы сохраняем за собой право прицельно и подробно высказаться о том, что мы от него услышали. Пока что отмечу лишь несколько моментов.

Генеральный директор сказал, что основной объем работы по расследованию был проделан уже после участия инспекторов — во время подготовки финального доклада. Это противоречит тому факту, что в первую очередь был подготовлен промежуточный доклад (3–22 мая 2018 года). Тогда был проанализирован 31 образец, что составило 70 процентов от всех проанализированных образцов. Были проанализированы 5 образцов дерева, что составило 100 процентов от всех образцов дерева, и 11 биообразцов, что составило 100 процентов от всех биообразцов. Налицо нестыковка в словах, прозвучавших сегодня из уст Генерального директора. Позвольте мне завершить мое выступление.

Поразительно, что г-на Ариаса удивляет, как он сказал, нежелание Сирии сотрудничать с Группой по расследованию и идентификации. Ничего удивительного в этом нет, так как законность этой Группы ни Сирия, ни мы сами никогда не признавали. Решение об учреждении Группы было неправомерным. Было бы странно ожидать, что Сирия будет с ней сотрудничать. В Дамаске изначально весьма четко дали это понять. Меня лично крайне удивило, что Вы, г-н Ариас сослались на «Комиссию Пиньейру» — Независимую международную комиссию по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике — как на высшую инстанцию в вопросах сбора свидетельств и доказательств по предполагаемым химическим инцидентам в Сирии. У нас есть масса претензий и сомнений в результатах работы и выводах, к которым пришел даже тот орган, который специально был создан для решения таких вопросов — Технический секретариат ОЗХО. Интересно было бы узнать, откуда у «Комиссии Пиньейру» опыт и полномочия для того, чтобы делать какие-то заключения?

Г-н Ариас упоминал визит инспекторов в Думу. Документ, который мы распространили в Совете Безопасности 25 мая, как раз напоминает, как это

происходило и как им мешали приехать вовремя. Кстати, накануне этого, 10 апреля, наши западные коллеги отклонили предложенную нами резолюцию, которая бы предусматривала полный и беспрепятственный доступ химических экспертов — членов миссии к любым участкам, где предположительно произошел химический инцидент. Так вот, 12 апреля эксперты были в Дамаске и должны были направиться в Думу, но их задержало поступившее из центра сообщение о рисках, связанных с безопасностью. А потом, 14 апреля, трое всем известных постоянных членов Совета Безопасности нанесли по Думе авиаудары.

Генеральный директор цитировал ноту, которую Россия направила в Технический секретариат ОЗХО. Это семистраничный документ, содержащий подробный технический анализ инцидента в Думе и соответствующих заключений МУФ, подготовленный российскими экспертами. Г-н Генеральный директор процитировал лишь одну фразу. С Вашего позволения я приведу цитату полностью.

«Российская Федерация не оспаривает заключения доклада МУФ о возможном присутствии молекул хлора на баллонах. Однако параметры, характеристики и вид баллонов, а также данные, полученные с мест происшествия, не соотносятся с тем аргументом, что баллоны были сброшены с воздуха. Имеющиеся факты с большей вероятностью указывают на то, что оба баллона были размещены в локациях 2 и 4, а не сброшены на них с воздуха. По всей видимости, содержащегося в докладе фактического материала недостаточно для того, чтобы сделать вывод об использовании токсичных химических веществ в качестве оружия. В этой связи Российская Федерация настаивает на версии, согласно которой имели место лжесвидетельства и инцидент в Думе носил постановочный характер».

Думаю, эта выдержка весьма хорошо разъясняет, что Российская Федерация имела в виду, направляя эту ноту. Это, кстати, соответствует выводам, сделанным в промежуточном докладе «инспекторами-париями», которые, по словам Генерального директора, нарушили нормы, правила и этику ОЗХО.

Кроме того, Генеральный директор отказался вступать с ними в диалог в рамках Научно-консультативного совета ОЗХО. Между прочим, г-н Ариас, я не единственный, кто ставит под вопрос

выводы выпускаемых Техническим секретариатом докладов. Есть и другие авторитетные лица и государства, которые в них сомневаются. Однако Вы предпочитаете их не замечать. Если Вы не готовы взаимодействовать через Научно-консультативный совет, можем предложить провести встречу членов Совета по формуле Аррии, куда мы пригласим всех, у кого есть сомнения относительно сделанных ОЗХО выводов. С удовольствием пригласим и Вас, чтобы Вы могли отстоять позицию Технического секретариата, если к ней возникнут вопросы, а также предоставить факты, из которых станет ясно, что Вы были правы, тогда как они ошибались.

Это лишь толика того, что мы могли бы сказать в ответ на Ваши комментарии, г-н Ариас. Искренне благодарим Вас за то, что присоединились к нам сегодня. Однако думаю, что мой список не полон. Мы обязательно воспользуемся возможностью и направим Вам наши дополнительные комментарии относительно того, что было сказано Вами сегодня.

Председатель (*говорит по-английски*): Я представляю слово для ответа г-ну Ариасу.

Г-н Ариас (*говорит по-английски*): Здесь прозвучали слова о том, что я хорошо подготовился к этому заседанию. Я хорошо подготовился, потому что я уважаю Совет Безопасности, и я считаю свои брифинги в Совете чрезвычайно важной задачей, поэтому я прилагаю усилия для того, чтобы наилучшим образом подготовить материалы и подать информацию, и я считаю такой подход абсолютно нормальным. Также прозвучало, что «не было сказано ничего, что не было бы уже известно». Не знаю, все ли известно членам Совета. Возможно, Генеральному директору действительно нет необходимости возвращаться в Совет Безопасности, но я готов сюда возвращаться с самыми лучшими намерениями и из самых лучших побуждений, чтобы представить членам Совета известную мне информацию. Если членам Совета действительно все уже известно, то тем лучше.

Группа по расследованию и идентификации (ГРИ) Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) не признана Сирийской Арабской Республикой. ГРИ была создана по решению Конференции государств-участников. Конференция государств-участников, согласно Конвенции о химическом оружии, должна рассматривать любые

вопросы или проблемы, связанные с выполнением Конвенции.

С другой стороны, это решение согласуется с тем, что я в подробностях освещал ранее. Вся эта международная доктрина связана с общим стремлением привлечь к ответственности тех, кто применил химическое оружие. Конференция государств-участников 27 июня 2018 года постановила, что ГРИ с собственным кругом полномочий должна быть учреждена в соответствии с резолюциями Совета Безопасности, а не только с резолюцией 2118 (2013).

Конечно, основная часть расследований, связанных с Думой, была проведена после моего прихода в Организацию, после июля 2018 года. Из общего числа — а это более чем 100 проб — более 70 проб надлежащего качества были проанализированы после лета 2018 года. Основная часть расследования, основная часть сбора данных, основная часть анализа всей собранной информации осуществлялась после ухода этих двух инспекторов.

Я не понимаю, почему ставится под вопрос комиссия Пиньейру — Независимая международная комиссия по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике. Комиссия обладает легитимностью, поскольку она была создана Генеральной Ассамблеей, и она обладает указанными полномочиями, так как подотчетна Генеральной Ассамблее. В августе 2018 года Комиссия представила Генеральной Ассамблее ту связанную с Думой информацию о вертолетах, баллонах, хлоре, жилых домах и жертвах, которую я уже представлял.

Была опубликована российская вербальная нота, в которой они делают свое заявление. Я еще раз выражаю признательность членам Совета Безопасности, особенно Председателю и Постоянному представителю России. Мы должны быть открытыми. Мы должны работать вместе настолько конструктивно, насколько мы способны, на благо Организации Объединенных Наций, ОЗХО и, конечно, международного сообщества.

Председатель (*говорит по-английски*): К сожалению, я вынужден напомнить всем представителям, что 10 минут назад мы превысили лимит времени, отведенного на заседание. Ораторы, принимающие участие в заседании на основании правила 37, еще не выступали, при этом уже через 20

минут мы будем вынуждены отпустить устных переводчиков.

Сейчас я предоставляю слово представителю Сирийской Арабской Республики.

Г-н Саббаг (Сирийская Арабская Республика) (*говорит по-арабски*): Г-н Председатель, прежде всего я хотел бы попросить Вас предоставить мне, как представителю заинтересованной стороны, достаточно времени, чтобы я мог коснуться многочисленных аспектов, упомянутых в ходе выступления Генерального директора и в других заявлениях.

Печально, что Организация по запрещению химического оружия (ОЗХО) превратилась из имеющей технический характер организации в инструмент геополитической игры, которую ведут Соединенные Штаты и их западные союзники. Беспрецедентное решение, недавно незаконно принятое Конференцией государств-участников ОЗХО и направленное против Сирии, явно свидетельствует о масштабах манипуляций, политизации и давления, оказываемого этими странами в рамках Организации. Наша делегация категорически отвергает беспочвенные обвинения, содержащиеся в некоторых заявлениях, и считает их не более чем средством давления и политического шантажа.

Применение или угроза применения террористическими организациями химического оружия и токсичных химикатов в Сирии с 2013 года и по настоящее время представляет реальную опасность для сирийского народа и серьезную проблему для поддержания режима нераспространения, устанавливаемого Конвенцией о химическом оружии (КХО). Достоинно осуждения то, что государства, спонсирующие эти террористические организации, в течение последних восьми лет работали над тем, чтобы отвлечь внимание государств — членов Организации Объединенных Наций и государств — участников КХО от борьбы с этой угрозой применения террористами химического оружия, и одновременно оказывали давление на различные международные следственные группы, навязывая им свои цели и заставляя их вести деятельность в нарушение методов работы, предусмотренных Конвенцией и документами о круге ведения.

Эти преднамеренные попытки подорвать правила и принципы работы ОЗХО, которые предпринимали некоторые члены Совета, привели к неверным

выводам, которые ослабили доверие к Организации и веру в профессионализм ее сотрудников, а также снизили способность международного сообщества реально противостоять террористической угрозе. Такое поведение резко контрастирует с взятыми этими странами обязательствами по поддержанию международного мира и безопасности.

В этой связи я хотел бы сослаться на важную информацию, которую мы часто предоставляли Организации Объединенных Наций и ОЗХО относительно приобретения и передачи химического оружия и токсичных химикатов террористическими организациями для инсценировки ими инцидентов и нападений с применением химического оружия с целью обвинить в них Сирийскую арабскую армию. Серьезное отношение к таким террористическим угрозам требует от ОЗХО и соответствующих органов Организации Объединенных Наций максимально осторожного обращения с этой информацией и координации действий с соответствующими сирийскими полномочными органами при проведении необходимых расследований. К сожалению, мы не наблюдали ни того, ни другого. Генеральный директор упомянул о более чем 197 представленных Сирией меморандумах о хранении, передаче и попытках применения химического оружия. Однако Миссия по установлению фактов не проводила оперативных и серьезных расследований ни по одному из упомянутых случаев, но при этом она моментально реагировала на любую содержащуюся в открытых источниках или полученную из подозрительных источников информацию, касающуюся обвинений в адрес сирийского правительства.

Хочу также обратить внимание Совета Безопасности на тот факт, что недавно мы предоставили Генеральному секретарю полученную нами информацию об инциденте с применением террористическими организациями химического оружия в Хан-эль-Асале в 2013 году — Генеральный директор вообще забыл упомянуть об этой информации, — которая подтверждает причастность так называемой Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил к этому террористическому преступлению, в результате которого погибли 25 ни в чем не повинных человек и получили ранения более 110 гражданских лиц и военнослужащих. К сожалению, несмотря на наши многочисленные требования, этот инцидент не был расследован.

Что касается комментариев, сделанных в ходе заявлений некоторых сторон относительно первоначального объявления Сирии, то я хотел бы пояснить следующее.

Во-первых, Группа по оценке объявлений не является следственным органом; напротив, она была создана для оказания помощи сирийским властям.

Во-вторых, проведение консультаций между Группой по оценке объявлений и сирийским Национальным органом, а также сроки визитов Группы в Дамаск зависят от договоренностей, достигнутых двумя сторонами в соответствии с обязательствами каждой из сторон. Поэтому, разумеется, любой раунд консультаций может быть отложен, если не подходит дата его проведения.

В-третьих, в ходе взаимных консультаций эксперты сирийского Национального органа предоставили Группе по оценке объявлений множество технических разъяснений, которые полностью подтверждают информацию, представленную Сирией. Соответственно, недопустимо выступать с поспешными обвинениями по вопросам, которые еще находятся в процессе обсуждения.

В-четвертых, обнаружение следов химических веществ в тестовом образце не является доказательством запрещенной химической деятельности. Поскольку технические консультации по таким вопросам еще продолжаются, необходимо преодолеть предрассудки и воздерживаться от поспешных и не имеющих отношения к действительности выводов и ложных представлений.

В свете сказанного мы категорически отвергаем настойчивые попытки некоторых сторон поставить под сомнение первоначальное объявление Сирии и ее готовность к сотрудничеству с Техническим секретариатом, а также намеренное отрицание любых достигнутых успехов.

Наша делегация приняла к сведению информацию из доклада Генерального директора о результатах седьмого раунда инспекций двух объектов сирийского Центра научных изысканий и исследований. В докладе указывалось, что «веществ или видов деятельности, не соответствующих обязательствам Сирийской Арабской Республики по Конвенции, в ходе инспекций не обнаружено» (S/2021/514, приложение, пункт 17). Мы бы хотели, чтобы в докладе признавались помощь, логистиче-

ская поддержка и содействие, оказанные Сирией. Как бы то ни было, Центр не имеет отношения к химической программе.

По-прежнему существует обеспокоенность по поводу процедурных изъянов и непрофессиональных методов работы Миссии по установлению фактов. Они вызывают многочисленные вопросы относительно профессионализма сотрудников и достоверности докладов Миссии; последний доклад о предположительно имевшем место инциденте в Думе продолжает вызывать резонанс в разных столицах. Как такие доклады могут быть достоверными, если их источники вызывают подозрения, свидетели являются агентами террористов, образцы собираются «белыми касками», а расследования проводятся дистанционно? Разве это нормальные методы работы согласно Конвенции? Или может быть мы укрепляем доверие, полагаясь на «разумные основания» и «наиболее вероятные» объяснения?

Генеральный директор говорит, что 193 государства не ставят под сомнение этот доклад. Хочу напомнить ему, что я лично, во время своих многочисленных выступлений в Исполнительном совете, указывал на многие ошибки в методологии, которую отнюдь нельзя назвать заслуживающей доверия и профессиональной. Кроме того, Сирия отвергла выводы доклада.

Таким образом, мы имеем дело с несоблюдением Техническим секретариатом требований, регулирующих его работу. В этой связи я хотел бы еще раз спросить Генерального директора: почему Технический секретариат упорно отказывается прислушаться к существенным замечаниям и обоснованным запросам, сделанным Сирией, Россией и другими странами, а также видными деятелями, профильными экспертами и известными учеными?

Генеральный директор упомянул, что Миссия по установлению фактов, которая отправилась расследовать инцидент в Думе, задержалась в Бейруте на несколько дней. Может ли он объяснить, чем была вызвана задержка? Я хотел бы спросить, почему руководитель группы, который прибыл в Сирию в субботу 13 апреля и уехал утром следующего дня, в воскресенье, 14 апреля, не посетил место инцидента в Думе, в то время как следователь А отправился в Думу и провел расследование? При этом наблюдения и доклад последнего не приняты

во внимание, но учтены наблюдения руководителя, который не посещал объект.

Я бы также хотел спросить его, почему на публикацию докладов о расследовании инцидентов, о которых сообщает сирийское правительство, уходят годы? У нас с 2017 года расследуются пять или более инцидентов, по которым уже почти четыре года Технический секретариат не может подготовить доклад, в то время как приоритет отдается докладам о расследовании предполагаемых инцидентов, о которых заявляют враждебные или вызывающие подозрения стороны. Это явный признак двойных стандартов. В заключение я еще раз заявляю, что Сирия выполнила свои обязательства, вытекающие из ее добровольного присоединения к Конвенции по химическому оружию в 2013 году. Мы избавились от запасов этого оружия и уничтожили производственные мощности беспрецедентным и безупречным образом, в рекордно короткие сроки, в сложных и трудных условиях. Сирия сожалеет, что в ответ на наше непрерывное сотрудничество с Техническим секретариатом ОЗХО мы получаем одну лишь неблагодарность и отрицание.

Председатель (*говорит по-английски*): Сейчас я предоставляю слово представителю Исламской Республики Иран.

Г-н Тахт Раванчи (Исламская Республика Иран) (*говорит по-английски*): Будучи одной из стран, в отношении которых наиболее часто в современной истории на систематической основе применялось химическое оружие, Иран вновь заявляет о своем категорическом неприятии применения химического оружия кем бы то ни было, где бы то ни было и при каких бы то ни было обстоятельствах.

Будучи убежденными сторонниками запрета на применение химического оружия, мы разделяем мнение о том, что мириться с применением этого бесчеловечного оружия нельзя. Однако это правило не должно быть политизировано или использовано для оказания политического давления на других в целях продвижения узких национальных интересов или достижения определенных геополитических целей. Это в самом деле так же токсично, как и само химическое оружие.

Хотя обеспечение запрета на применение химического оружия абсолютно необходимо, мы все хорошо знаем, что это не произойдет и не может

произойти в отрыве от всего остального. Для этого нам необходимо прежде всего обеспечить полное, эффективное и недискриминационное осуществление Конвенции о запрещении химического оружия (КХО). Более того, мы должны поддерживать и обеспечивать авторитет и престиж Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО).

Тем не менее глубокую озабоченность вызывает тот факт, что в последние годы западные страны используют КХО и политизируют работу ОЗХО для продвижения своих узких интересов в Сирии. Это серьезно подорвало Конвенцию, привело к глубокому кризису легитимности ОЗХО и доверия к ней, посеяло семена раздора среди ее государств-членов и нарушило давнюю традицию принятия решений консенсусом на форумах по разоружению и нераспространению.

В этом процессе ОЗХО была вынуждена использовать несовершенные процедуры, неправильные методологии, сфабрикованную информацию и ненадлежащий, нарушенный порядок передачи и хранения улик. Кроме того, в этом процессе совершенно не признается стратегическое решение Сирии присоединиться к Конвенции, а также ее сотрудничество в выполнении соответствующих обязательств, в том числе ее оперативное представление первоначального объявления и поддающееся проверке уничтожение всех ее 27 объектов по производству химического оружия. Действительно, процесс ОЗХО в Сирии — это явный отход от основополагающих норм беспристрастности и профессионализма. Также очевидно, что такой процесс непременно приведет к ошибочным выводам.

Наконец, в преддверии двадцать пятой годовщины вступления КХО в силу и создания ОЗХО мы призываем к активизации усилий для обеспечения укрепления авторитета ОЗХО и полного, эффективного и недискриминационного осуществления КХО, а также придания ей универсального характера. Мы готовы активно и конструктивно содействовать таким усилиям.

Председатель (*говорит по-английски*): Сейчас я предоставляю слово представителю Турции.

Г-жа Кочйигит Грба (Турция) (*говорит по-английски*): Прежде всего я хотела бы поздравить Вас, г-н Председатель, со вступлением на пост Председателя Совета в этом месяце.

Я благодарю Генерального директора Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) г-на Фернандо Ариаса и Высокого представителя Идзуми Накамицу за их содержательные выступления. Мы также выражаем признательность Генеральному директору Ариасу за подробные, исчерпывающие ответы на вопросы Совета.

Прошло почти восемь лет с момента принятия резолюции 2118 (2013), однако мы все еще обсуждаем пробелы, несоответствия и расхождения в объявлении сирийского режима. Отказ режима полностью и надлежащим образом объявить о своей программе химического оружия представляет собой серьезное нарушение Конвенции о запрещении химического оружия.

Девяносто второй ежемесячный доклад Генерального директора ОЗХО (см. S/2021/514) является еще одним свидетельством этой тревожной ситуации. Наличие необъявленного объекта по производству химического оружия не только вызывает серьезную озабоченность; оно также порождает серьезные сомнения в отношении реальных намерений режима. Нет никакого правдоподобного объяснения тому, почему режим до сих пор не объявил о химических боевых отравляющих веществах, произведенных или превращенных в оружие на этом объекте. Это явное нарушение его обязательств.

Более того, анализ образцов, собранных в ходе двадцать третьего раунда инспекций Группой по оценке объявлений, показал присутствие боевого отравляющего вещества, ранее не объявленного режимом. Анализ Группы по оценке объявлений указывает на дальнейшую необъявленную производственную деятельность режима.

Вместо того чтобы прояснить существующие расхождения и несоответствия, режим продолжает добавлять новые пункты в длинный список нерешенных вопросов, касающихся его объявления в отношении химического оружия. Нельзя мириться с вызывающим поведением режима или оправдывать его. Совет должен добиться полного сотрудничества режима с ОЗХО и обеспечить немедленное и полное представление объявления о его программе химического оружия.

В ответ на несоблюдение сирийским режимом своих обязательств Исполнительный совет ОЗХО в июле 2020 года принял историческое решение,

потребовав от сирийского режима объявить о химическом оружии, использованном им во время нападений в Эль-Латамне в 2017 году, а также о производственных объектах, на которых оно было разработано, и о химическом оружии, которым он обладает в настоящее время. В этом решении Исполнительного совета, которое Турция поддержала, устанавливается четкий и поддающийся проверке порядок действий и содержится требование о том, чтобы сирийский режим в течение 90 дней возобновил выполнение Конвенции в полном объеме. Исполнительный совет также призвал режим урегулировать все нерешенные вопросы относительно его первоначального объявления.

Однако, продолжая вопиюще игнорировать свои юридические обязательства, режим отказался выполнять требования этого решения, что привело к принятию дальнейших мер. Соответственно, решение, принятое подавляющим большинством голосов в ходе второй части двадцать пятой сессии Конференции государств — участников ОЗХО, стало взвешенным ответом перед лицом упорного несоблюдения сирийским режимом своих обязательств. Турция поддержала это решение как важный шаг в направлении обеспечения подотчетности в Сирии.

Установление истины имеет основополагающее значение для наших совместных усилий по достижению мира и справедливости в Сирии. Расследования, которые проводятся миссией по установлению фактов в Сирии и Группой по расследованию и идентификации (ГРИ), имеют большое значение для выяснения обстоятельств применения химического оружия в Сирии. ГРИ играет уникальную роль в установлении лиц, виновных в применении химического оружия. Мы приветствуем ее все более активное сотрудничество с Международным беспристрастным и независимым механизмом для содействия проведению расследований в отношении лиц, которые несут ответственность за наиболее серьезные преступления по международному праву, совершенные в Сирийской Арабской Республике с марта 2011 года, и их судебному преследованию. В нашей борьбе с вопиющей безнаказанностью мы должны эффективно использовать все возможные способы.

Отказ режима в выдаче виз сотрудникам ГРИ является еще одним нарушением Конвенции по

химическому оружию. Это также явная попытка скрыть правду. Сирийский режим совершенно не собирался прекращать применение химического оружия против собственного народа. Как нам всем известно, ГРИ установила, что 4 февраля 2018 года в ходе нападения на гражданских лиц в Саракибе военно-воздушные силы режима применили хлор. Как следует из последнего доклада ГРИ, на данный момент уже установлено, что режим Асада несет ответственность по меньшей мере за восемь нападений с применением химического оружия. Мы решительно осуждаем продолжающееся применение режимом химического оружия.

Хотелось бы воспользоваться этой возможностью и вновь заявить о том, что мы в полной мере поддерживаем Технический секретариат ОЗХО и ее следственные органы. Профессионализм, беспристрастность и компетентность их сотрудников заслуживают высокой оценки. Не приемлем попытки поставить под сомнение добросовестность и авторитет ОЗХО. Создание отличной от реальности картины происходящего в данном вопросе лишь ослабляет глобальную норму против применения химического оружия и поощряет преступников. Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и ОЗХО по-прежнему имеет крайне большое значение для существования надежного режима нераспространения. Мы все должны стремиться к укреплению этого сотрудничества и противостоять попыткам его подорвать.

В заключение подтверждаем наше решительное осуждение неоднократно совершавшихся режимом Асада нападений на собственных граждан с применением химического оружия, факты о которых были хорошо задокументированы. Нельзя допустить, чтобы не были приняты меры в связи с нарушением режимом международного права и совершенными им преступлениями против человечности. Покончить с безнаказанностью — неотложная задача для международного сообщества, особенно для Совета Безопасности. Это — единственный способ почтить память жертв нападений, совершенных с применением химического оружия, и добиться мира в Сирии. Члены Совета должны действовать на основе единства и убедительно призвать режим к тому, чтобы он без дальнейшего промедления приступил к оперативному и конструктивному сотрудничеству с ОЗХО. Это также имеет ключевое значение для предотвращения повторного применения в Сирии химического оружия. В этой связи мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что те, кто обладает влиянием на сирийский режим, несут ответственность в этом отношении.

Председатель (*говорит по-английски*): Список ораторов исчерпан.

Я хотел бы поблагодарить устных переводчиков и сотрудников Секретариата за то, что они остались с нами немного дольше отведенного для проведения заседания времени.

Заседание закрывается в 13 ч 35 мин.